

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

СЬЮЗЕН ВИГГС

HARLEQUIN®
Romance

ЛЕТО БОЛЬШИХ
НАДЕЖД

Взгляд во внутренний мир человека
и обращение к сердцу каждого читателя.

Booklist

Сьюзен Виггс

Лето больших надежд

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=588055
Лето больших надежд: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-227-02357-5

Аннотация

Счастлирое лето в лагере «Киога» на озере Уиллоу для умной симпатичной толстушки Оливии закончилось катастрофой. Ее сердце разбил синеглазый красавец Коннор. Над ней жестоко посмеялись. Она решила навсегда выкинуть из головы все, что тогда произошло. Минуло девять лет. Оливия окончила колледж, превратилась в стройную красавицу, достигла весьма заметных успехов в дизайнерском бизнесе и пережила третью неудачную помолвку. Выполняя заказ на возрождение лагеря «Киога», где пятьдесят лет назад состоялась свадьба ее бабушки и дедушки, Оливия пригласила владельца местной строительной компании, и им оказался тот самый синеглазый Коннор, которого она любила с самого детства...

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	8
2	18
3	33
4	37
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сьюзен Виггс

Лето больших надежд

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛАГЕРЬ «КИОГА»

Франклин Делано Рузвельт однажды сказал: «Главный вклад Америки в цивилизацию – это летний лагерь». Каждый, кто посещает лагерь «Киога», открывает это сам. Лагерь «Киога» – это место, где мечты все еще живут и дышат, где вы можете погрузиться в кристальные воды древнего озера, взобраться в горы и поднять глаза к небесам, смотреть на ярко пылающие угли ночного костра и воображать, что все это жизнь поберегла для вас.

ПРАВИЛА ЛАГЕРЯ «КИОГА»

Над лагерем «Киога» веет три флага – официальный флаг лагеря, флаги штата Нью-Йорк и Соединенных Штатов – которым, подняв их каждое утро на рассвете, салютуют все члены лагеря. Флаги развеваются на том же флагштоке, что и флаг Соединенных Штатов, и этот последний всегда наверху. Когда же их спускают с флагштока, флаг Соединенных Штатов поднимают первым и опускают последним. Никакой другой стяг не может помещаться выше того, что представляет Соединенные Штаты, или справа от него.

ПРОЛОГ

*Реальной паре, отмечающей юбилей,
Нику и Лоу Клист*

Оливия Беллами пыталась решить, что хуже: быть захваченной на вершине флагштока или принять помощь, которая прибудет в виде ангелов ада.

Ее план поднять флаг над лагерем «Киога» в первый раз за десять лет казался таким простым и легким. Но кабель и ворот зацепились. Оливия была бесстрашна, она подняла старую алюминиевую лестницу и вскарабкалась на вершину, где и обнаружила, что все равно не может достать до сучка. Вскарabкаться на флагшток было не так уж сложно, но она случайно оттолкнула лестницу.

«Ты идиотка», – подумала она. Это будет долгий путь вниз, а внизу не было бассейна. Старая и ржавая гальванизированная сталь обдерет кожу на руках и на внутренней поверхности бедер, если Оливия просто соскользнет вниз.

Она как раз начала по сантиметру спускаться на землю, когда с дороги раздалось громкое рычание двигателя без глушителя. Она была так перепугана, что почти слетела с флагштока.

«Убирайся, – подумала она и закрыла глаза. – Я могу справиться без тебя, кто бы ты ни был».

Звук двигателя стал громче, и она открыла глаза. Тот, кто вторгся в идиллическое утро, оказался байкером в черной коже, его лицо скрывал черный шлем и очки. За мотоциклом из черного металла и хрома хохолком поднимался высокий хвост пыли.

«Вот удача, – подумала она. – Вот она я, посередине ничего, и меня приехал спасать „Беспечный ездок“¹».

Ее руки и плечи начали дрожать. Столько часов тренировок в тренажерном зале.

Байкер остановился у основания флагштока и поставил мотоцикл на тормоз. Затем он оглянулся и посмотрел прямо на нее.

Несмотря на рискованные обстоятельства, Оливия забеспокоилась, насколько привлекательно выглядит ее задница с того места, где стоит байкер. С тех пор как она стала взрослой, частенько утешала себя вкусностями, пока не забыла все неприятные клички, полученные в детстве, но она так и не преодолела сомнений насчет собственной фигуры.

«Сделаем вид, что все в порядке», – решила она.

– Привет, – сказала она.

– Привет. В чем дело?

Оливия не могла видеть его лица, но уловила ухмылку в его голосе и поняла, что не ошиблась, когда он добавил:

– Все в порядке, прошу прощения. Не мог удержаться.

Да уж, ничего не скажешь, она очень удачлива.

К его чести, он не заставил ее страдать. Он поднял лестницу и приставил ее к флагштоку.

– Спускайтесь медленно, – предупредил он ее. – Я держу.

Оливия покрылась потом от напряжения. Она спускалась дюйм за дюймом, и в этом трудном пути ее джинсовые шорты не выдержали и, явив миру ее шелковые трусики, задралась. Она надеялась, что он не заметит этого.

– Вы почти дома, – подбодрил незнакомец. – Еще немного.

¹ «Беспечный ездок» – известный американский фильм Дэнниса Хоппера.

Чем ниже она спускалась, тем роднее казался голос незнакомца. И когда ее ноги коснулись нижней ступеньки лестницы, у нее появились серьезные и нехорошие предчувствия, связанные с этим парнем. Она не была здесь целый год, и лагерь стал воплощением ее самых диких мечтаний и самых ужасных кошмаров. Она никого не знала в этих горах, в этой пустыне... но так ли это?

Она лихорадочно соображала, что сегодня утром как следует не причесалась, не нанесла ни капли косметики. Она даже не помнила, чистила ли зубы. И ее джинсовые обрешанные шорты были слишком короткими, а топ слишком обтягивал грудь.

Спускаясь вниз по лестнице, она понимала, что там, внизу, она будет в лучшем случае смущена, в худшем – унижена. Желая поскорее добраться до твердой почвы, она прыгнула в его протянутые руки. От него пахло кожей и чем-то еще. Ветром, может быть.

Ее мускулы, которые еще мгновение назад были жестоко напряжены, теперь расслабились в изнеможении. Она истратила последние силы, оттолкнув его. Он отошел от лестницы и протянул к ней свои руки, как киборг, ладонями кверху, словно показывая, что пришел с миром. Ладони были огромными, в черных перчатках. Руки Дарта Вейдера. Руки Терминатора.

– Ну хорошо, – сказал он. – Теперь вы в безопасности.

Она прислонилась к лестнице. Когда она посмотрела на него снизу вверх, ей показалось, что земля у нее под ногами дрогнула.

Он был огромный, весь запакованный в кожу, включая джинсы «Ливайс». Она посмотрела на драную футболку, видневшуюся в распахнутой куртке. Его ботинки выглядели так, будто принадлежат человеку, который в них работает. И еще цепи. Она не понимала, зачем нужны эти слепящие штуковины, но они были очень сексуальны. О боже, в самом деле.

– Спасибо, – сказала она. – Не знаю, что бы я делала, если бы вы не появились. – В его зеркальных очках она видела собственное отражение: пылающие щеки, растрепанные ветром волосы. Она вытерла руки о шорты. – Что, э. – И запнулась. Может быть, это не он. Может быть, свежий воздух и солнечный свет повлияли на ее мозги. Она выбрала нейтральный тон и решила делать вид, что все прекрасно. – Могу я вам чем-то помочь?

– Возможно. Вы оставили сообщение мне на автоответчике. Что-то насчет строительного проекта? – С этими словами он снял солнечные очки, расстегнул шлем и снял его.

«О боже, – подумала Оливия. – Я хотела бы, чтобы это был кто угодно, только не ты».

Он снял перчатки, не сводя с нее глаз, пока стаскивал их палец за пальцем, и ухмыльнулся.

– Скажите... мы встречались?

«Он что, шутит, – изумилась она. – Он в самом деле не знает?»

Не дождавшись ответа, он повернулся и со знанием дела поднял флаг, который мгновенно, словно парус, радостно наполнился ветром.

Глядя на него, Оливия не могла двинуться с места, она едва дышала, ее мысли путались. Один только взгляд в эти разбивающие сердце глаза, и она полетела назад во времени, годы мелькали, словно странички в календаре. Она смотрела в лицо мужчины, но в этих льдисто-голубых глазах она видела мальчишку, которым он был много лет назад.

И не мальчишку – парня, который владел всеми ее помыслами, всеми значимыми моментами ее болезненного и непростого взросления – кого она когда-то любила. С кем целовалась. И кто разбил ее сердце.

Все ее тело ожило и затрепетало, вспыхнув до корней волос. Слово разгорелось старое пламя.

– Коннор Дэвис, – сказала она, впервые за девять лет произнеся его имя вслух. – Рада видеть тебя здесь. – И думала: «Я хочу умереть. Дайте мне умереть здесь и сейчас, и я ни о чем больше не прошу в жизни». – Это я, – жизнерадостно произнесла она.

Как будто она могла забыть. Теперь ему было двадцать восемь, а ей двадцать семь. Долговязый подросток превратился в крепкого мужчину. Но его усмешка, чуть прищуренные глаза были теми же, хотя челюсть теперь мужественно оттенена отросшей за несколько дней щетиной. И он все еще, – Оливия моргнула, желая убедиться, что ей это не чудится, – да, он все еще носит маленькую серьгу в ухе. Она сама сделала ему пирсинг тринадцать лет назад, должно быть, это с тех пор.

– Итак, ты, – он изучал кисть своей левой руки, где было что-то нацарапано лиловыми чернилами, – Оливия Беллами?

– Оливия. – Она молилась о том, чтобы он узнал ее, как она узнала его, как человека из прошлого, кого-то важного, кто изменил все его будущее. Господи, ведь она рисковала тем, что ее выгонят из лагеря и отошлют домой за этот самый пирсинг в ухе.

– Да, прости, Оливия. – Он изучал ее с откровенным мужским любопытством. Он явно неправильно понял ее ярость. – Мне не на чем было записать, когда я проверял свою почту, – объяснил он, указывая на лиловые чернила, которыми он вывел телефон на руке, и нахмурился. – Мы встречались раньше?

Она ответила коротким, хриплым смешком.

– Ты верно шутишь? Ведь так?

Она в самом деле так сильно изменилась? Ну хорошо, да. Прошло около десяти лет, она похудела на целую тонну. Из шатенки превратилась в медовую блондинку. Поменяла очки на контактные линзы. Но все равно...

Он просто смотрел на нее. И не узнавал.

– Я должен тебя знать?

Она сложила руки на груди и, глядя на него, произнесла фразу, которую он, без сомнения, должен помнить, потому что это была первая ложь, которую они сказали друг другу.

– Я твой новый лучший друг, – сказала она и увидела, как краска покидает его загорелое привлекательное лицо.

Его потрясающие синие глаза недоверчиво сузились и тут же широко раскрылись, он потрясенно смотрел на нее. Его адамово яблоко дернулось, он сглотнул и смущенно откашлялся.

– Вот черт, – сказал он низким шепотом. Его рука бессознательным жестом коснулась маленькой серебряной сережки. – Лолли?

ПРАВИЛА ЛАГЕРЯ «КИОГА»

По уставу лагеря каждый должен принимать участие в запланированных мероприятиях и носить предусмотренную уставом одежду. Вожатые отвечают за участие членов лагеря во всех лагерных программах, освобождение можно получить только у медсестры или у директора.

1

Лето 1991 года

– Лолли. – Высокий, долговязый мальчишка в первый раз заговорил с ней после того, как они покинули лагерь, когда взбирались вверх по тропе. – Что, черт побери, за имя – Лолли?

– Оно вышито на спине моей рубашки, – сказала она, перебрасывая косичку цвета спелого каштана через плечо. К ее смятению, она почувствовала, что краснеет. Вот те на, он просто чертов мальчишка, и все, что он сделал, – это задал ей простой вопрос.

«Глупо», – подумала она, чувствуя шум в голове. Он, скорее всего, самый классный парень в Орлином гнезде. От четырнадцати до двадцати. И его вопрос был всего лишь замечанием, рассчитанным на то, чтобы смутить ее. Он сказал «черт». Лолли никогда этого не позволяла, она не любила проклятия. Сколько раз она пыталась выругаться сама, но всегда заикалась и краснела, и всем сразу становилось ясно, что она совсем не классная.

– Понял, – пробормотал мальчик, тропа повернула, и он прошел мимо нее, пробормотав извинение. Он устало тащился вперед, насвистывая мелодию «Толкинг Хедз», не пропуская ни одной ноты.

Они карабкались в гору парами – первое мероприятие сезона. Предполагалось, что так они познакомятся с порядками в лагере и друг с другом. Ребятам разбили на пары сразу же после того, как они вышли из автобуса, и, разобрав рюкзаки и вещи, они перенесли их в палатки. Оливия попала в пару с долговязым мальчишкой – они оба последними вышли из автобуса. Она сложила руки на груди и фыркнула.

– Я твой новый лучший друг.

Он взглянул на нее и пожал плечами, произнеся с наигранным благородством:

– Так приказал Баркис.

Хвастун. Он процитировал Дэвида Копперфилда, и это было здорово, но Лолли сделала вид, что это не произвело на нее впечатления. Она также прикинулась равнодушной к тому, что другие мальчишки хихикают и подталкивают его локтями из-за того, что он попал в пару с Лолли Беллами.

Он не был давним членом лагеря «Киога», в отличие от нее, которая приезжала сюда с восьми лет. Этот парень был новичком, он весь состоял из острых углов, его волосы были слишком длинными, а его шорты располагались слишком низко на мальчишечьих бедрах. Было что-то опасное в его светлых голубых глазах и темных волосах – восхитительное и одновременно настораживающее сочетание.

Сквозь просветы в деревьях она могла видеть, как ребята уходят парами, оживленно болтая по дороге. Это был первый день в лагере, но дети уже успели определить, кто с кем будет дружить в этом году. Лолли уже знала, что ее они не примут. Так всегда было. Если бы не ее кузены, она бы вообще была одиночкой.

Она поправила очки на переносице и почувствовала тупой укол зависти, глядя на других ребят, которые так легко ладили друг с другом. Даже новички, как этот долговязый парень, казалось, были в порядке. Выбравшись из лагерного автобуса, они весело смеялись, волоча рюкзаки. Некоторые из девочек надели лагерные толстовки, элегантно свисавшие с их плеч, их врожденное чувство стиля было очевидно даже в лагерной форме. Банданы лагеря «Киога» были повязаны у них на лбу в стиле Рэмбо. Все рассыпались по горе, словно это было их исконное место.

И конечно, это было забавно. Никто из этих детей не был владельцем «Киоги». Разве что Лолли... Ну, в каком-то смысле. Летний лагерь принадлежал ее дедушке. Когда она была

еще во фледжлинге, от восьми до одиннадцати лет, она пыталась продемонстрировать другим детям свой статус, но это не сработало. Большинству детей было наплевать на это.

Высокий мальчишка нашел ветку орешника и стал лихо сбивать ею сорняки по сторонам дороги. Он внимательно озирался, словно ожидал, что кто-то вдруг прыгнет на него из-за деревьев или кустов.

– Тебя зовут Коннор, – сказала она наконец.

Он бросил на нее хмурый взгляд через плечо:

– А?

– Так написано на спине твоей рубашки.

– Она под курткой, гений.

– Это была просто шутка.

– Ха-ха. – Он воткнул ветку орешника в землю.

Их целью была вершина Седловой горы, которая на самом деле была не горой, а большим холмом. Когда они наконец добрались до вершины, то обнаружили костер и длинные скамьи, расставленные вокруг него. Это была одна из многих лагерных традиций. Нана однажды сказала, что во времена первых поселенцев путешественники зажигали сигнальные огни на вершинах, чтобы связываться на больших расстояниях. Лолли ужасно захотелось поделиться со своим напарником этой информацией, но она промолчала.

Она уже сказала себе, что этот мальчик ей не нравится. Сказать правду, она решила, что этим летом ей никто не понравится. Два ее любимых кузена, Фрэнки – сокращенное от Франсин, и Дэйр, обычно приезжали вместе с ней, и у Лолли всегда было ощущение, что у нее есть друзья. Но в этом году оба уехали с родителями в Калифорнию, тетей Пег и дядей Клайдом. Родители Лолли не поехали в путешествие. Они делали только то, чем потом можно хвастаться. А ее родители любили похвастаться – своим домом, антиквариатом, предметами искусства. Они даже хвастались Лолли, но лето на озере Уиллоу было бесконечным. Особенно теперь, когда она окончила шестой класс и ее оценки пошли вниз, а вес наоборот вверх. Год развода.

«Теперь есть чем хвастаться», – думала она.

– Предполагается, что мы узнаем друг о друге три вещи, – сказал парень, у которого не было чувства юмора, парень, с которым она не хотела дружить. – Когда мы доберемся до вершины, мы должны будем представить друг друга группе.

– Я не хочу знать о тебе три вещи, – беспечно сказала она.

– Отлично. Я о тебе тоже.

Эти знакомства у костра всегда были нудными и скучными, потому что предполагалось, что они будут интересными и правдивыми. Малыши в этом отношении проявляли себя с лучшей стороны, потому что они не знали, что следует держать при себе, а чем нужно поделиться. Однажды и Лолли стала превосходным тому примером, хотя уже была не маленькой. Год назад она выпалила:

– Мои родители разводятся, – и разразилась слезами.

С того момента ее жизнь превратилась в кошмар. Но в конце концов тогда ее признание было искренним. В теперешней возрастной группе она уже знала, что представление будет скучным или лживым, а возможно, и то и другое одновременно.

– Хотела бы я, чтобы мы это пропустили, – сказала она. – Это будет совершенный бред. С детьми помладше интереснее, они, во всяком случае, чем-то поделятся.

– Чем, например?

– Чем-нибудь вроде того, что их дядя находится под следствием комиссии по ценным бумагам или что у их брата есть третий сосок.

– Что?

Лолли, вероятно, не должна была касаться этой темы, но она уже сболтнула, и теперь ничего не поделаешь, придется объяснить, иначе он не отстанет.

– Ты меня слышал, – сказала она.

– Третий сосок. Это совершенно ненаучно. Ни у кого нет третьего соска.

– Ага. Бебе Блакмун однажды сказала целой группе, что у ее брата три соска.

– Ты это видела? – спросил он с вызовом.

– Ну мне это было ни к чему. – Она пожала плечами. – Ага.

– Это дерьмо.

Она шмыгнула носом, желая показать, что на нее не производят впечатление его ругательства.

– Готова спорить, что у тебя тоже есть лишний. – Она и сама не знала, зачем сказала это, ведь прекрасно понимала, что это невозможно.

– Как ты догадалась? – спросил он, останавливаясь на тропе и поворачиваясь. Одним стремительным движением он приподнял свою футболку прямо перед ее лицом, и она растерялась. – Хочешь сосчитать их?

Ее лицо вспыхнуло, и она прошла мимо него, глядя прямо перед собой. «Идиотка, – думала она. – Я такая идиотка. О чем я думала?»

– Может быть, у тебя три соска, – предположил он с издевательским смешком. – Может быть, мне стоит сосчитать твои.

– Ты сумасшедший. – Она продолжала шагать.

– Это ты начала.

– Я просто пыталась поддержать разговор, потому что ты совершенно невероятно ску-у-учный.

– О-хо-хо. Это я. Ску-у-учный. – Он скользящими шагами обогнал ее, копируя ее походку. Свою рубашку он заткнул за пояс форменных шортов. С этим своим ремнем и рубашкой, наброшенной словно набедренная повязка, он выглядел как дикарь. Повелитель мух².

Он был совершенный хвастун. Он...

Она споткнулась о корень и вынуждена была схватиться за ветку, чтобы не упасть. Он повернулся, и она готова была поклясться, что его рука взметнулась с единственной целью – поддержать ее, но она удержалась, и он двинулся дальше, не касаясь ее. Она устала на него, не желая быть грубой или назойливой, но проявляя озабоченность.

– Что у тебя на спине? – спросила она прямо.

– Что? – Мистер Повелитель мух хмуро посмотрел на нее.

– Сначала я подумала, что ты забыл вымыться, а теперь вижу, у тебя на спине большой синяк. – Она указала на его ребра.

Он остановился и изогнулся, его лицо комично исказилось.

– У меня ничего не болит. Подруга, ты вызываешь у меня страх. Лишние соски и теперь фантомные синяки.

– Я смотрю прямо на него. – И хотя он вызывал у нее раздражение, она в то же время испытала некоторое сочувствие ему. Синяк уже проходил. Это было ясно уже по тому, что цвет его, все еще густой в середине, бледнел по краям. – Но когда ты его заработал, тебе, должно быть, было действительно больно.

Его глаза сузились, а лицо окаменело, и одну секунду он выглядел угрожающе.

– Это ничего, – заявил он. – Я упал с велосипеда. Всего и делов. – Он быстро повернулся и продолжал шагать, торопясь, так что Лолли пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним.

² *Повелитель мух* – персонаж одноименного романа английского писателя У. Голдинга.

– Послушай, я не хотела тебя разозлить.

– Я на тебя не злюсь, – рывкнул он на нее и зашагал еще быстрее.

«Ну вот, – подумала она, – первый день, а у меня уже есть враг». За ним, без сомнения, последуют и другие. У нее был талант вызывать у людей неприязнь.

И хотя Коннор сказал, что он на нее не злится, на что-то он разозлился точно. Ярость была в его напряженных мускулах и резких движениях. Значит, он поранился, катаясь на велосипеде. Однако обычно, когда кто-то падает с велосипеда, он ранит локти и колени, может быть, голову. Но не спину, разве что, падая с холма, наткнешься на что-то очень твердое. Или этот кто-то просто лжет насчет того, что на самом деле произошло.

Она была одновременно заинтригована и разочарована этим мальчишкой. Разочарована, потому что ей отчаянно хотелось, чтобы он ей не нравился, тогда не придется думать о нем снова, все долгое лето. А заинтригована, потому что он был более интересным, чем имел на это право. Он был, похоже, нервным, с этими слишком длинными волосами, низко сидящими штанами, ремнем, починенным изоляционной лентой. И в его глазах было что-то, кроме обычного тупого выражения мальчишки. Те же самые льдисто-голубые глаза, которыми он, как Дэвид Копперфилд, видел что-то в девушке, такой как Лолли, чего она не могла вообразить.

Они повернули вслед за тропой на сто восемьдесят градусов, и их приветствовал мерный шум воды.

– Ух ты, – сказал Коннор, поворачивая голову, чтобы посмотреть на стофутовый водопад, спускавшийся из какого-то невидимого источника высоко вверху, он гремел по камням, и капельки воды образовывали туман. Везде, где пробивался солнечный свет, сияли радуги. – Это потрясающе, – сказал он, его плохое настроение исчезло.

– Водопад Мирскил, – сказала она, повышая голос, чтобы его можно было слышать за ревом воды. – Один из самых высоких в штате. Пойдем, с моста открывается хороший вид.

Мост Мирскил был построен в 1930 году правительственной рабочей командой. Головокружительно высокий каменный мост аркой простирался над запрудой, внизу с дикой яростью разбивался водопад.

– Местные называют его мостом самоубийц, потому что были случаи, когда люди погибали, прыгая с него.

– Да, точно. – Он, казалось, не мог отвести глаз от каскада, который туманом закрывал тропу на другой стороне, одаривая влагой ковер мха и сочных папоротников.

– Я серьезно. Вот почему здесь цепи ограждают верхушку моста. – Она протиснулась, чтобы встать рядом с ним. – Их вроде бы поставили пятнадцать лет назад, после того, как с него спрыгнули два подростка.

– Откуда ты знаешь, что они спрыгнули? – спросил он. Туман завил его темные волосы и ресницы, делая его еще симпатичнее.

Лолли подумала, сделает ли туман привлекательнее ее. Вероятно, нет.

– Думаю, все это просто знают, – сказала она.

Они добрались до моста и прошли в арку.

– Может быть, они упали случайно. Может быть, их толкнули. Может быть, они вообще не существовали.

– Ты всегда такой скептик? – спросила она.

– Только когда кто-то рассказывает мне какую-нибудь дерьмовую историю.

– Это не дерьмо. Можешь спросить кого угодно.

Она задрала нос и промаршировала до конца моста и к изгибу тропы, не глядя, идет ли он за нею. Некоторое время они карабкались в гору. Они уже серьезно отставали от группы, но ему, похоже, не было до этого дела, и Лолли решила, что ей тоже. Сегодняшнее восхождение не гонка в любом случае.

Она продолжала поглядывать на него исподтишка. Может быть, стоит допустить, чтобы этот парень ей понравился, ну хоть немного.

– Эй, смотри. – Она понизила голос до шепота, когда тропинка пошла вдоль края покрытого анемонами и окруженного березами луга. – Олениха и два детеныша.

– Где? – Он осмотрел лес.

– Ш-ш-ш. Не шевелись. – Она поманила его с дорожки.

Олени не были редкостью в этой части штата, но всегда захватывало дух от вида оленят с большими сияющими глазами. Олениха стояла на открытой поляне, малыши прижимались к матери, пока она щипала листья и траву. Лолли и Коннор замерли на краю поляны и заворуженно смотрели.

Лолли жестом показала Коннору, чтобы он сел с ней рядом на упавший ствол. Она бесшумно вытащила бинокль из своего рюкзака и протянула ему.

– Это потрясающе, – сказал он. – Я никогда раньше не видел оленя в дикой природе.

Она спросила себя, откуда он. Нельзя сказать, чтобы олени были редкостью.

– Олененок съедает пищу, равную весу своего тела, за двадцать четыре часа.

– Откуда ты знаешь?

– Читала в книге. Я в прошлом году прочитала шестьдесят книг.

– Круто, – сказал он. – А для чего?

– Потому что пришло время читать больше, – сказала она с высокомерным вздохом. – Трудно поверить, что люди охотятся на оленей, да? Я думаю, они такие прекрасные. – Она сделала глоток из фляжки. Эта сцена перед ними была словно древняя картина: молодая трава, нежная и зеленая, колокольчики и дикие водосборы кивали на ветру. Паслись олени.

– Я могу ясно видеть другую сторону озера, – сказал Коннор. – Хороший бинокль.

– Мой папа подарил его мне. Подарок вины.

Он опустил бинокль:

– Что за подарок вины?

– Это когда твой папа не может прийти к тебе на концерт, чувствует себя виноватым из-за этого и покупает тебе по-настоящему дорогой подарок.

– Ха-ха. Есть вещи куда хуже, чем то, что твой папа пропускает концерт. – Коннор снова посмотрел в бинокль. – Это что, остров посередине озера?

– Ага. Он называется остров Спрюс. Там они устраивают фейерверки Четвертого июля. Я пыталась доплыть до него в прошлом году, но не сумела.

– Что случилось?

– На полпути мне пришлось звать на помощь. Когда они дотащили меня до берега, я вела себя как утопленница, так, чтобы они не могли обвинить меня в притворстве. Они позвонили родителям. – Это было то, чего Лолли хотела все это время. Она уже пожалела, что упомянула об этом случае, но раз уж она начала говорить – не могла остановиться. – Мои родители в прошлом году развелись, и я надеялась, что они оба приедут и заберут меня. – Признание отозвалось болью в горле.

– Сработало? – спросил он.

– Ни капельки. Мысль о том, чтобы делать что-то всей семьей, оказалась безнадежной. Они послали меня к психологу, который сказал, что я должна переосмыслить мою концепцию семьи и мою роль в ней. Так что теперь моя работа состоит в том, чтобы хорошо приспособиться к ситуации. Мои родители ведут себя так, словно развод – обычная вещь и не такое большое дело в наши дни, и я должна это понимать в моем возрасте. – Она поджала колени к груди и смотрела на оленей, пока ее глаза не наполнились слезами. – Но для меня это громадное событие. Это словно тебя волной смывает в море, но никто не верит, что ты тонешь.

Поначалу ей показалось, что Коннор не слушает, потому что он ничего не сказал. Он оставался тихим, словно доктор Шнайдер во время их сессий психотерапии. А потом он сказал:

– Если ты тонешь по-настоящему и никто тебе не верит, лучше научиться плавать.

Она огрызнулась:

– Да, я так и подумала.

Он не смотрел на нее, словно понимал, что ей надо собраться. Он продолжал смотреть в бинокль и насвистывать сквозь зубы. Лолли подумала, что она узнает мелодию – «Хватит придавать значение» «Толкинг Хедз», – и по какой-то причине она почувствовала себя хрупкой и уязвимой, такой, какой ее тогда вытащили из воды. Хуже того, она плакала. Она не заметила, когда это началось, но ей потребовались все ее силы, чтобы успокоиться.

– Нам нужно идти, – сказала она, чувствуя себя идиоткой, натягивая бандану на лицо. Почему она говорит все эти вещи мальчику, который ей даже не нравится?

– Хорошо. – Он отдал ей полевой бинокль и двинулся по тропинке.

Если с этим мальчишкой все было так неловко с самого начала, то теперь ее срыв и слезы означали, что им стать друзьями совершенно невозможно.

В отчаянии желая сменить тему, она сказала:

– Знаешь ли ты, что каждый вожатый в лагере – бывший скаут?

– Нет.

Она намеревалась поделиться с ним слухами об управлении лагеря, чтобы произвести впечатление.

– У вожатых тайная жизнь. Не все знают, но они по ночам устраивают вечеринки. Море выпивки, танцы и все такое.

– Большое дело. Расскажи мне что-нибудь, чего бы я не знал.

– Хорошо, постараюсь. Например: главная кухарка, Трети Романо, была участницей конкурса на звание мисс штата Нью-Йорк, но забеременела и вынуждена была отказаться от состязания. Джина Палумбо – мой банкир – сказала мне, что ее отец настоящий босс мафии. А охранник Терри Дэвис, похоже, сильно пьет.

Коннор хлестнул палкой по траве и посмотрел на нее. От резкого движения его рубашка соскользнула на землю. Она подняла ее.

– Вот, ты уронил.

На рубашке было пятно от кетчупа, а под воротником маленькая бирка, на ней было написано: «Коннор Дэвис».

– Дэвис, – произнесла она, понимая, что поторопилась схватить рубашку. – Это твоя фамилия?

– Ты суешь нос не в свое дело, тебе не кажется? – спросил он, сгребая рубашку и набрасывая ее на голову. – Конечно, это моя фамилия, гений, иначе там не было бы этой бирки.

Лолли не могла вздохнуть. О, вот те на! Дэвис. Как Терри Дэвис. О, вот те на еще раз.

– Значит, мистер Дэвис, охранник, твой родственник?

Коннор шагнул от нее, его уши пылали.

– Да, это мой отец. Тот, который сильно пьет.

Она бросилась за ним.

– Эй, подожди, – сказала она. – Эй, извини меня. Я не знала... я не поняла... о, прости. Я не должна была говорить этого. Это просто слухи.

– Ты настоящий комик.

– Нет. Я ужасная. Я чувствую себя ужасно. – Ей пришлось бежать, чтобы поспевать за ним. Она покрылась виной, словно потом. Больше того, никто не должен обсуждать родите-

лей другого скаута. Она ведь знает это. Ее родители не подарок, но она была бы вне себя, если бы кто-то сказал так.

Но откуда ей было знать? Все говорили, что у Терри Дэвиса нет семьи, как она могла догадаться, что у него есть сын. И тем не менее ей следовало держать язык за зубами.

У Терри Дэвиса есть сын. Потрясающе. Все те годы, которые этот тихий, меланхоличный мужчина работал в лагере, она об этом не знала. Зато она знала, что его отец и дедушка Лолли были вместе на корейской войне. Дедушка говорил, что они встретились, когда кто-то бомбил местечко под названием Хэн-Ривер. Мистер Дэвис был героем, и по этой причине для него всегда держали местечко в лагере «Киога». Даже если он был, как она глупо сказала, горький пьяница. Он был движимым имуществом лагеря и жил один в одном из коттеджей для персонала на краю лагеря. В этих коттеджах жили кухарки, охранники, садовники, водители и служба технической поддержки, невидимые люди, которые работали круглые сутки, чтобы это место выглядело как нетронутая пустыня.

Мистер Дэвис был отшельником. Он водил старый рабочий джип и зачастую выглядел усталым и потеряннным, таким, словно его день был неудачным.

– Мне действительно жаль, – сказала она Коннору.

– Не надо меня жалеть.

– Я и не жалею. Мне жаль, что я сказала это о твоём папе. Вот в чем разница.

Коннор мотнул головой, отбросив волну темных волос с лица:

– Приятно слышать.

– Он никогда не говорил, что у него есть дети. – И еще не успела договорить, как поняла, что допустила еще большую ошибку. Вконец растерянная, она беспомощно залепетала: – Я хочу сказать, я никогда...

– Он не хотел, чтобы я приезжал сюда на лето, но моя мама снова вышла замуж, и ее муж не желал видеть вокруг себя детей. Сказал, что в их передвижном доме и без того целая толпа.

Лолли подумала о синяке, который она видела. На этот раз она сообразила, что должна помалкивать.

– В трейлере не так много места для трех человек, но я думаю, ты об этом не знаешь, – добавил он. – Думаю, ты живешь в каком-нибудь дворце.

В двух дворцах, подумала она. По одному для каждого из родителей. И это только доказывает, что ты можешь быть жалким, даже если живешь в восьмисотом блоке на Пятой авеню или в Дампстере.

– Мои родители отсылали меня из дома каждое лето с тех пор, как мне исполнилось восемь, – сказала она Коннору. – Может быть, потому, что они хотели убрать меня с глаз подальше, так им было удобнее ругаться. Я никогда не слышала, чтобы они ругались. – Может быть, а если бы слышала, думала Лолли, развод не был бы для нее таким шоком.

– Когда моя мама заявила, что я могу приехать сюда бесплатно, потому что мой отец здесь работает, – объяснил Коннор, – моя судьба была решена.

В уме Лолли складывала факты, словно детектив. Если он приехал сюда бесплатно, это означает, что он получает стипендию. Каждый год по программе, которую основал ее дед, нуждающиеся дети приезжали в лагерь бесплатно. Это касалось детей, у которых была тяжелая семейная жизнь и которые входили в «группу риска», хотя она и не знала, что означает «группа риска».

В лагере все одевались одинаково, жили, ели и спали по распорядку. И никто не знал, чей ребенок рядом с ним – сын наркомана или саудовского принца. Иногда, однако, это становилось очевидным. Дети, приехавшие по стипендии, по-другому говорили и зачастую выглядели иначе. Иногда их выдавали плохие зубы. Или слишком грубые манеры. Или иногда, как с Коннором, у ребенка был этот тяжелый, опасный, предостерегающий взгляд. В нем не

было ничего от ребенка из нуждающейся семьи, никакого намека на «группу риска», кроме боли в глазах, когда она назвала его отца пьяницей.

– Я чувствую себя невероятно гадкой, – сдалась она. – И ужасной. Я не должна была ничего говорить.

– Ты права. Ты не должна была. Сумасшедшая девчонка, неудивительно, что ты пошла на попятный. – Он уперся палкой в землю и прибавил шаг. Похоже было, что он больше не собирается с ней разговаривать. Никогда.

«Отлично», – подумала она. Она вступила с ним в конфликт, так же как и с другими ребятами. И наверное, он постарается, чтобы об этом узнал весь мир. Он, наверное, будет всем рассказывать, что она не в себе из-за своих родителей и психотерапии. Он, наверное, даже скажет, что видел, как она плакала. Она приобрела врага на всю жизнь.

Она тащила за ним и с каждым шагом все больше потела и раздражалась. «Ты идиотка, Лолли Беллами», – говорила она себе. Каждый год она приезжала в лагерь «Киога» со смехотворно большими ожиданиями.

«Это лето будет другим. Этим летом я заведу новых друзей, займусь спортом, буду жить своей жизнью, хотя бы один-единственный сезон».

Но каждый раз все шло не так. Просто уехать из города не означало оставить неудовлетворенность позади. Она приезжала вместе с ней, она следовала за ней, словно тень, распространяясь на все, что ее окружало.

Они с Коннором Дэвисом последними добрались до вершины. Все уже собрались вокруг костра. Огонь не разжигали, потому что было слишком жарко. Скауты сидели на огромных старых скамьях. Некоторые скамейки стояли здесь с незапамятных времен: их сиденья были выщерблены и вытерты.

Старшими вожатыми Орлиного гнезда в этом году были Рурк Макнайт и Габби Спаулдин, которые превосходно подходили к формату «Киоги». Они были умными и веселыми. Оба знали «Киогу» с детства. Теперь, поступив в колледж, они прочувствовали то, что Нана и дедушка называли «командным духом». Они знали лагерные правила, силу авторитета, несколько ключевых слов и мелодии всех песен, которые поются у костра. Они знали, как поговорить со скаутом, который заскучал по дому. Среди младших тоска по дому бывала просто эпидемией.

В былые дни тоска по дому не мучила обитателей «Киоги», потому что коттеджи снимали целыми семьями. Так тогда работал лагерь. Как только кончался школьный год, матери и дети переезжали в бунгало, а каждые выходные отцы присоединялись к ним, приезжая поездом из города. Вот откуда взялся термин «колония бунгало». Колонией была группа жителей бунгало, собранных вместе. Зачастую, рассказывала Нана, одни и те же семьи возвращались год за годом. Они становились близкими друзьями с другими семьями, несмотря на то что виделись только летом, и с нетерпением ожидали поездки в лагерь в течение года.

У Наны хранились с тех времен черно-белые фотографии с потрепанными уголками. На них все выглядели счастливыми: отцы курили трубки и пили коктейли, опираясь на свои теннисные ракетки. Рядом в шезлонгах загорали женщины в косынках и матросках, наблюдая за играющими детьми.

Лолли хотелось, чтобы жизнь действительно была такой. В наши дни, конечно, этого быть не может. Женщины делают карьеру и львиная доля из них не имеют мужей.

Так что теперь в бунгало жили вожатые: полные энтузиазма студенты колледжей днем и совершенные животные ночью. Прошлым летом Лолли и трое из ее кузенов, Сеси, Фрэнки и Дэйр, пробрались к бунгало после отбоя, чтобы шпионить за вожатыми. Во-первых, те пили. Затем танцевали. Группа вожатых бродила по лагерю, они поднимались на крылечки,

валялись в шезлонгах, даже танцевали посреди танцплощадки. Сеси, старшая из кузин, взволнованно вздохнула.

– Успокойся, – пресекла ее волнение Лолли.

Теперь, годом позже, Лолли лучше понимала этот трепещущий вздох. Нечто вроде электрических разрядов плясало в воздухе между Рурком и Габби. Это было трудно объяснить себе, но легко уловить. Она легко представляла их себе на территории для персонала, танцующими, флиртующими, возбужденными.

Как только главный вожатый подтвердил, что все собрались, Рурк взял гитару (там всегда была гитара), и они стали петь песни. Лолли была поражена голосом Коннора. Большинство мальчишек бормотали слова и пели не в лад, но не Коннор. Он выдал «Мы – это мир» не рисуясь, он пел, как будто был уверенным в себе поп-звездой. Некоторые из ребят удивленно уставились на него, но он просто пожал плечами и продолжал петь.

Несколько девочек открыли рот, их челюсти отвисли. Ну вот, значит, это не было просто воображение Лолли. Он на самом деле был такой классный, как она и думала. Как плохо, что она на него запала.

Затем пришло время представить друг друга, и это было то, чего Лолли терпеть не могла. Каждый из партнеров должен был встать и сообщить три факта о человеке, с которым он взбирался в горы. Идея заключалась в том, что незнакомцы, разделившие приключение, могут стать друзьями.

«Вот так штука», – подумала она. Они с Коннором не побеспокоились узнать что-нибудь друг о друге, кроме того, похоже, они стали врагами. Она не знала, где он живет, кроме того, что он живет в фургоне, есть ли у него братья и сестры и какое он любит мороженое.

В группе не было сюрпризов. Все ходили в самые эксклюзивные школы планеты – «Эксетер», «Сайдвелл френдз», школа Далтона, ТАСИС в Лугано, Швейцария. У всех были лошади, или яхты, или дом в Хэмптоне.

«Большое дело, – думала она. – Если самая интересная информация о человеке – это в какую школу он ходит, то он должен быть довольно нудным персонажем». Было более-менее интересно, когда выяснилось, что парнишка по имени Тарик ходит в мусульманскую школу, а девочка по имени Сторми занимается с родителями дома, а у кого-то родители – цирковые артисты, но все остальное было совершенной зевотой.

Почти все остальные были скучными занудами, жалкими хвастунишками или и то и другое вместе. У одного из мальчиков папа был публицист, который общался с первоклассными звездами. У другой девочки был сертификат по подводному плаванию. Дети происходили из семей, которые получали премии – Пулицеровскую, «Оскар», «Клио». Дети предъявляли свои рекомендации, словно они были знаками отличия, без сомнения стремясь произвести впечатление друг на друга.

Слушая остальных, Лолли пришла к заключению: ложь работает лучше, чем правда.

Затем настала ее очередь. Она встала, и они с Коннором посмотрели друг на друга сузившимися глазами. Они молча предостерегали друг друга. Он владел более чем достаточной информацией, чтобы унижить ее, если захочет. Вот в чем проблема, когда ты искренне рассказываешь кому-то что-то личное. Это все равно что вручить ему ружье и ожидать, спустит ли он курок. У нее не было ни малейшего представления, что она скажет группе. Она знала только, что вполне вооружила его, но не знала, воспользуется ли он этим оружием против нее.

Ее очередь была первой. Она сделала глубокий вдох и начала говорить прежде, чем решила, что скажет:

– Это Коннор, и это его первый сезон в лагере «Киога». Он...

Она подумала о том, что она знает. Он здесь на стипендии, и его отец пьет. Его мать только что снова вышла замуж, и его отчим был ничтожеством, вот почему ему пришлось отправиться сюда на лето. Лолли знала, что несколько слов – и она может направить ружье против него. Она может даже сделать так, что никто не захочет с ним дружить.

Она поймала его взгляд и знала, что он думает о ней то же самое.

– Он кладет кетчуп во все, что он ест, даже за завтраком, – сказала она. – Его любимая группа – «Толкинг Хедз». И он всегда выигрывает в один-один. – В последнем она сомневалась, но основываясь на факте, что он высокий и носит футболку с Чаком Тейлором. И он казался быстрым, и у него были большие руки. В самом деле она во всем попала пальцем в небо, но он ей не возразил.

Потом настала очередь Коннора.

– Это Лолли, – сказал он, и ее имя скатилось с его губ как оскорбление.

«Момент истины», – подумала она, поправляя очки. Он может погубить ее. Она слишком открылась перед ним по дороге в горы. Он откашлялся, отбросил волосы с глаз и ссутулился. Его взгляд скользнул по ней – знающий, высокомерный, – и он снова откашлялся. Остальные скауты, которым не терпелось поскорее закончить с этим, замерли. Можно было сказать, что мальчишка притягивал к себе внимание, как робкий учитель или актер в пьесе.

«Я ненавижу лагерь, – подумала она с яростной страстью, которая заставила ее лицо запылать. – Я ненавижу это, и я ненавижу этого мальчишку, и он вот-вот погубит меня».

Коннор снова откашлялся, его взгляд скользнул по группе ребят.

– Она любит читать книжки, она по-настоящему хорошо играет на пианино, и она хочет лучше научиться плавать.

Они сели на место, и ни один не смотрел на другого – разве что один раз. И когда их глаза встретились, она вдруг осознала, что оба они почти улыбаются.

Ну хорошо, заключила она, итак он решил не устраивать человеческого жертвоприношения на этот раз или оставить его на потом. Она разрывалась между симпатией к этому мальчишке и обидой на него. В одном Лолли была уверена. Она ненавидит этот летний лагерь, и ей больше нет дела до того, что он принадлежит ее бабушке с дедушкой. Она никогда больше не вернется сюда снова до конца жизни. Никогда.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Имеем честь пригласить вас

По случаю 50-й годовщины нашей свадьбы.

Вы разделили нашу жизнь

Вы украсили ее дружбой и любовью

Сегодня мы приглашаем вас

Отпраздновать с нами

Нашу золотую свадьбу.

Джейн и Чарльз Беллами

Суббота 26 августа 2006 года.

Лагерь «Киога», Авалон,

Графство Ульстер, Нью-Йорк

Транспорт обеспечен.

2

Оливия Беллами положила тисненое приглашение и улыбнулась через стол своей бабушке.

– Что за чудесная мысль, – сказала она. – Мои поздравления тебе и дедушке.

Нана медленно раскладывала на ярусном подносе сэндвичи и печенье. Раз в месяц, что бы ни происходило в их жизни, бабушка и внучка устраивали чай в «Астор-Корт» в отеле «Сент-Регис» в центре города. Они делали это многие годы, с тех пор как Оливия была толстушкой, угрюмой двадцатилетней девушкой, нуждающейся во внимании. Даже теперь было что-то волнующее в том, чтобы вступить в роскошь стиля бю арт с его элегантной мебелью, пальмами в горшках и тихим бормотанием арфы.

Нана уложила ломтик огурца, украшенный тресковым муссом.

– Спасибо. Юбилей через три месяца, но я уже в восторге.

– Почему лагерь «Киога»? – спросила Оливия, вертя в руках чайное ситечко. Она не была там со времени последнего лета перед колледжем. Она считала, что ей удалось оставить все драмы и тревоги позади.

– Лагерь «Киога» – особое место для нас с Чарльзом. – Нана попробовала крохотный сэндвич с трюфельным маслом. – Это место, где мы впервые встретились и поженились там, на застекленном балконе, на острове Спрюз посередине озера Уиллоу.

– Ты шутишь. Я этого не знала. Почему я этого не знала?

– Поверь мне, то, чего ты не знаешь о нашей семье, может занять целые тома. Мы с Чарльзом были обыкновенными Ромео и Джульеттой.

– Ты никогда не рассказывала мне эту историю. Нана, в чем дело?

– Ни в чем. Большинству молодых людей наплевать, как их бабушка и дедушка встретились и поженились. И их нельзя в этом винить.

– Мне есть дело прямо сейчас, – сказала Оливия. – Колись.

– Это было так давно и сейчас выглядит таким тривиальным. Видишь ли, мои родители – Гордоны – и семья Беллами происходили из двух разных миров. Я выросла в Авалоне и увидела большой город только после того, как вышла замуж. Родители твоего дедушки даже угрожали бойкотировать свадьбу. Они были решительно настроены на то, чтобы их единственный сын заключил достойный брак. В те дни это означало, что он должен найти кого-то с высоким социальным статусом. А не жениться на какой-то кэсткिल्зской девчонке из горного лагеря.

Оливия была поражена болью, промелькнувшей в глазах бабушки. Некоторые раны, похоже, никогда не залечиваются.

– Мне жаль, – сказала она.

Нана сделала над собой заметное усилие, чтобы улучшить свое настроение.

– В те времена было множество классовых предрассудков.

– И сейчас есть, – мягко сказала Оливия.

Нана закрыла глаза, и Оливия поняла, что ей лучше сменить тему, или она вынуждена будет пуститься в объяснения, что она имела в виду. Она с надеждой посмотрела на чайник.

– Он готов?

Они всегда заказывали большой чайник чая «Леди Грей», с лавандой и бергамотом. Бабушка Оливии кивнула и налила чаю.

– В любом случае, – сказала Нана, – тебе есть о чем думать, кроме моей древней истории. – Ее глаза сверкнули из-за шикарного черно-розового стакана, и на мгновение она показала Оливии на несколько десятков лет моложе. – Однако это замечательная история. Я уверена, что ты услышишь ее этим летом. Надеюсь, что все приедут и останутся надолго.

Мы с Чарльзом собираемся произнести наши клятвы на балконе, точно так же, как впервые сделали это. Мы собираемся повторить свадьбу, насколько это возможно.

– О, Нана, это... замечательная идея.

Глубоко в душе Оливия съезжилась. Она была уверена, что идиллическая картинка, существующая в сознании бабушки, далека от реальности. Лагерь перестал функционировать девять лет назад и оставался заброшенным с тех пор, за ним кое-как присматривали два-три человека из персонала, которые следили, чтобы здания не обветшали окончательно. Некоторые из кузин Беллами и другие родственники проводили там вечеринки и отпуска, но Оливия опасалась, что лагерь превратился в руины. Ее бабушка с дедушкой будут разочарованы, когда увидят, что с ним стало, и пожалеют о своем решении провести здесь торжества по случаю своей золотой свадьбы.

– Ты знаешь, – сказала Оливия, стараясь быть дипломатичной, – некоторые из ваших друзей уже в годах. А, как я уже говорила, лагерь не приспособлен для кресел на колесиках. Люди наверняка с большей радостью пришли бы отметить юбилей в «Уолдорф-Астории» или, может быть, прямо здесь, в «Сент-Регис».

Джейн отхлебнула чаю.

– Мы с Чарльзом обсуждали это и решили сделать это ради нас. Как бы мы ни любили друзей и семью, наша золотая свадьба должна быть такой, какой мы хотим ее видеть. Такой была наша свадьба, и такой мы проведем ее через пятьдесят лет. Мы выбрали лагерь «Киога». Это способ отметить то, кем мы были в прошлом, и то, кем мы надеемся прожить остаток нашей жизни – счастливой парой. – Ее чашка зазвенела, и она поставила ее на блюдце. – Это будет наше прощание с лагерем.

– Что ты имеешь в виду?

– Празднование золотой свадьбы будет нашим последним мероприятием в лагере «Киога». После этого нам придется решить, что делать с этой собственностью.

Оливия нахмурилась:

– Нана? Я правильно тебя поняла?

– Да. Пришло время. Мы должны составить план будущего этого владения. Это сотня акров земли, и она находится во владении моей семьи с 1932 года. Мы надеялись, что сможем сохранить ее в семье для наших детей. – Она пристально посмотрела на Оливию. – Или для наших внуков. Ни в чем нельзя быть уверенным в этой жизни, но мы надеемся, что эта земля не будет продана тому, кто устроит здесь парковки и построит ряды ужасных безликих домов.

Оливия не знала, почему перспектива продажи лагеря так ее расстроила. Ей даже не нравилось это место. Ей нравилась сама идея лагеря. Отец Наны получил эту собственность во время Великой депрессии в качестве уплаты за долги и сам выстроил лагерь, назвал его «Киога», считая, что на алгонкинском³ языке это означает «спокойствие», но позже он узнал, что это слово не имеет смысла. После того как лагерь был закрыт в 1997 году, никто из потомков Беллами не взял заботу о нем на себя.

Ее бабушка угостилась рожком, наполненным шоколадным муссом.

– Мы обсудим это после юбилея. Лучше все устроить и решить, чтобы никому не пришлось ломать голову над этой проблемой после того, как мы уйдем.

– Ненавижу, когда ты так говоришь. Тебе шестьдесят девять лет, и ты только что получила разряд в троеборье...

– Которого я бы никогда не добилась, если бы ты не тренировалась со мной. – Джейн развела руками и на мгновение задумалась. – Там произошло так много важных событий в моей жизни. Этот лагерь провел мою семью через Великую депрессию, он дал нам выжить.

³ Алгонкинские языки – одна из основных групп языков североамериканских индейцев.

После того как мы с Чарльзом поженились и взяли на себя руководство лагерем, это место стало частью нас.

«Так типично для Наны, – думала Оливия. – Она всегда искала выход, даже если лучше было пустить все на самотек».

– Это все в будущем. – Нана снова оживилась, как будто перевернула страничку, распечатанную с веб-сайта Оливии. – Нам нужно обсудить дела. Я хочу, чтобы ты подготовила лагерь к нашему торжеству.

Оливия рассмеялась:

– Я не могу сделать этого, Нана.

– Глупости. В данный момент ты занимаешься экспертными исследованиями, дизайном и службами по поместьям, чтобы оптимизировать их маркетинговую цену.

– Все это означает, что я довожу дома до ума, – сказала Оливия.

Некоторые из дизайнеров возражали против этого определения, которому действительно не хватало определенной солидности. Это определение весьма относительно раскрывало суть работы Оливии. Она предоставляла услуги людям, которые желали показать свою неповторимость в лучшем свете. Оливия была мастером иллюзий. И художником обмана. Сделать собственность неотразимой было не так уж сложно и не стоило больших денег, эта работа часто включала элементы, которые у продавцов собственности уже были, их нужно было просто по-другому скомбинировать.

Она любила свою работу и хорошо ее делала, у нее была отличная репутация. В некоторых частях Манхэттена агенты не включали собственность в списки на продажу, не проконсультировавшись с Оливией Беллами из «Трансформэйшнз». С тех пор как Оливия завела свою фирму, она узнала, что с собственностью гораздо больше хлопот, чем с простым устройством цветочных горшков, покраской всего в белый цвет и установкой машинки для выпечки хлеба.

И тем не менее проект размера «Киога» был ей не по плечу.

– Ты говоришь о сотне акров пустыни, в полутора сотнях миль отсюда. Я не знаю, с чего начать.

– А я знаю. – Джейн подтолкнула к ней через стол старомодный фотоальбом в кожаном переплете. – Все представляют себе, что такое летний лагерь, даже если они в нем никогда не были. Все, что тебе нужно, – это воссоздать иллюзию. Вот несколько фотографий, сделанных за много лет, чтобы тебе было с чего начать.

Фотографии были по большей части классическими видами деревенских домишек на берегу озера в девственном лесу. Оливии пришлось признать, что в этом месте было что-то мирное и ностальгическое. Нана была права насчет иллюзии – или, может быть, это был обман. У Оливии было ужасное время в летнем лагере. Однако где-то на задворках ее сознания обитал идеальный летний уголок, свободный от ехидных детей, солнечных ожогов и комаров.

Ее воображение вдохновенно заработало, так всегда бывало, когда она видела собственность. Несмотря на свое нежелание браться за лагерь, она почти немедленно увидела, как его можно преобразить.

«Остановись», – сказала она себе.

– У меня не слишком хорошие воспоминания о проведенном там времени, – напомнила она бабушке.

– Я знаю, дорогая. Но теперь у тебя есть шанс укротить этих демонов и создать новые воспоминания.

Интересно, Оливия и не знала, что ее бабушка знала о ее страданиях. «Почему ты их не прекратила?» – хотелось спросить ей.

– Этот проект займет все лето. Я не уверена, что смогу уехать так надолго.

Нана подняла брови выше оправы своих очков.

– Почему?

Оливия не могла сдерживать больше свой восторг:

– Потому что я думаю, у меня есть причина остаться.

– Эта причина тот парень с дипломом Гарварда, который выглядит как Брэд Питт? «Глубоко дыши, Оливия», – напомнила она себе.

– Я думаю, Рэнд Уитни собирается сделать мне предложение.

Нана сняла очки и положила их на стол.

– О, моя дорогая Оливия. – Она приложила салфетку к глазам.

Оливия была рада, что решилась сказать Нане. Кое-кто в ее семье отреагировал бы с большим скепсисом. Некоторые – и ее мать была в их числе – быстро напомнили бы ей, что к возрасту двадцати семи лет Оливия уже имела в запасе два несостоявшихся обручения.

Как будто она могла забыть об этом.

Она отодвинула эту неприятную мысль в сторону и добавила:

– Он продает свою квартиру в центре. Это мой последний проект. На самом деле мне нужно проверить последние штрихи сегодня вечером, потому что завтра ее выставляют на рынок. Когда он вернется домой из аэропорта, я буду ждать его там. Он был в Лос-Анджелесе всю неделю в западном офисе своей фирмы. Он сказал, что, когда вернется, сделает мне предложение.

– Предложение выйти за него.

– Полагаю, что так. – Оливия ощутила некоторую неловкость. Он ведь на самом деле не сказал этого.

– Так что хорошо, что он продает свою квартиру.

Оливия почувствовала, что улыбается.

– Он ищет местечко на Лонг-Айленде.

– О боже. Парень готов остепениться.

Улыбка Оливии стала шире.

– Так что ты понимаешь... мне нужно подумать о твоём предложении.

– Конечно, дорогая. – Нана жестом показала, чтобы им принесли счет, и этот жест заставил официанта в белых перчатках поторопиться. – Я надеюсь, что все у тебя сложится отлично.

Когда Оливия торопливо поднималась по ступеням в квартиру Рэнда рядом с Крамерси-парком, она чувствовала себя самой счастливой девушкой в мире. Она насладится привилегией посмотреть на свою до последней детали хорошо сделанную работу. Когда Рэндэл Уитни попросит ее выйти за него замуж, она будет в том месте, которое создала собственным воображением и тяжелым трудом. Так часто в подобных ситуациях джентльмены должны были создать соответствующее окружение, и как часто им это не удавалось.

«Но не в этот раз, – думала Оливия, наслаждаясь легким восторженным звоном в ушах. – На этот раз все будет так, как надо. Не так, как в другие разы». С Пайерсом помолвка была обречена с самого начала, Оливия отказывалась это признавать, пока не обнаружила его принимающим душ с другой девушкой. С Ричардом момент унижения она пережила, когда поймала его на том, что он крал деньги с ее кредитки. Две неудач заставили ее сомневаться в собственных суждениях... до Рэнда. На этот раз все будет правильно.

Она открыла дверь, повернулась и представила себе, как будет выглядеть квартира глазами Рэнда. «Превосходно, вот как», – подумала она. Местечко было образцом современной роскоши в миниатюре: чистое, но не вылизанное (несмотря на то, что она буквально тряслась над каждой мелочью), обставленное со вкусом, но не декорированное (несмотря на то, что она с маниакальным упорством все спланировала).

В такси, возвращаясь из центра, Оливия снова и снова прокручивала в уме сценарий предстоящей встречи, пока у нее не закружилась голова от предвкушения. Меньше чем через час Рэнд войдет в дверь и вступит в свою идеальную квартиру. Он, конечно, не станет опускаться на одно колено, это не в его стиле. Вместо этого у него на лице возникнет его беспутная ухмылка, когда он потянется к своему пиджаку, чтобы вытащить сияющую черную коробочку с бриллиантовым логотипом Гарри Уинстона⁴. Рэнд был Уитни, в конце концов. Он был пижоном.

Заставляя себя двигаться с очаровательным достоинством, она задержалась у серванта и проверила бутылку шампанского в ведерке со льдом. Этикетку не нужно выставлять наружу. Любой опытный взгляд разглядит отметку «Дом Периньон» по одному силуэту бутылки.

Она бросила взгляд – полвзгляда – в зеркало над сервантом, которое она арендовала на антикварном складе. Зеркала были важной частью ее работы, она не изучала в них свое отражение, но создавала с их помощью свет, размеры и обстановку в комнате. Она только проверила – на секунду, не надо ли подправить помаду на губах. Все остальное было просто пустой тратой времени.

И в этот момент она заметила тень движения в зеркальном отражении. Не успев еще крикнуть, она схватила бутылку «Дом Периньон» за горлышко и замахнулась ею, готовая к бою.

– Я всегда хотел распить с тобой бутылку шипучки, дорогая, – сказал Фредди Дельгадо, – но, может быть, ты окажешь мне честь открыть эту бутылку.

Ее лучший друг, который вызывающе хорошо выглядел даже во взятом напрокат фартуке и с пыльной тряпкой в руках, прошел через комнату и отобрал у нее бутылку.

Она вырвала у него из рук бутылку и опустила обратно в ледяное ведерко.

– Что ты здесь делаешь?

– Просто заканчиваю работу. Я взял ключ в офисе и приехал прямо сюда.

Ее «офисом» был угол гостиной в ее квартирке, которая была еще дальше от центра города. У Фредди были собственные ключи от квартиры, но это был первый случай, когда он воспользовался своей привилегией. Он снял фартук. Под ним оказались рабочие штаны. Рабочие ботинки и узкая футболка с надписью «Спамалот»⁵. Его стильно подстриженные волосы были выкрашены под белые перья. Фредди был театральным дизайнером и страстно желал стать актером. Он также был одиночкой, хорошо говорил и одевался с исключительным вкусом. Достаточно причин для того, чтобы принять его за гея. Но он не гей. Он просто одинок.

– Я поняла. Ты снова потерял работу. – Она выдернула тряпку, торчавшую из его заднего кармана, и вытерла брызги воды от раскрошившегося льда.

– Откуда ты знаешь?

– Ты работаешь на меня. Ты работаешь на меня, только когда не подворачивается ничего лучше.

Осмотрев квартиру, она не могла не заметить, что он сделал выдающуюся работу, дополнив дизайн последними деталями. Он всегда это делал. Она подумала, изменится ли их дружба, когда она выйдет замуж. Рэнду никогда не нравился Фредди, и их чувства были взаимными. Она ненавидела мысль о том, что верность одному означала предательство по отношению к другому.

– В шоу, в котором я работаю, кончились деньги. Ненавижу, когда такое происходит.

⁴ Гарри Уинстон – ювелирный магнат.

⁵ «Спамалот» – комедийный мюзикл английской комик-группы Монти Пайтон, написанный Эриком Айджлом.

Фредди был талантливым дизайнером одежды, но имел тенденцию наниматься на работу в шоу с малым или несуществующим финансированием и зачастую обнаруживал, что снова лишился работы. К счастью для Оливии, он был первоклассным строителем, маляром и вообще креативным во всем, за что бы ни брался.

– Между прочим, – сказал он, одаряя ее улыбкой. – Ты по-настоящему превзошла себя с этой квартирой. Она выглядит на миллион баксов.

– Между прочим на два миллиона, если быть точными.

Он присвистнул.

– Амбициозно. Упс, паутина.

Он подошел к встроенной полке для телевизора и вытер один из углов пыльной тряпкой.

– И снова упс, – добавил он. – Я чуть не пропустил это.

– Пропустил что?

– Коллекцию DVD.

Узкие коробочки были аккуратно выстроены на полке.

– Что такое? – спросила она.

– Ты, должно быть, шутишь. Ты никогда не продашь это место с «Мулен Руж» на полке.

– Эй, мне нравится это кино. И большинству людей тоже нравится это кино.

Фредди был киноманом. Он поглощал кино в невероятных количествах. Если что-то было записано на целлулоиде, Фредди это увидит и запомнит. Он быстро прошелся по полке с DVD, засунув в шкаф «Мулен Руж» вместе с «Призраком оперы» и «Готовым одеться».

– Это отстой, – сказал он. – Никто не захочет иметь дела с парнем, который смотрит подобную халтуру. – Он присел на корточки и посмотрел в коробку, где лежали остальные фильмы. – Ага. Это намного лучше.

– «Ночные сестры из Вегаса»? – спросила Оливия. – «Битва за пенис»? Ни в коем случае. Ты не можешь выставить диски с порнографией там, где люди могут их увидеть.

– Расслабься, – настаивал Фредди. – Это мелочи, но я скажу, что продавец – просто обычный парень, который не чванится. Кстати, почему ты встречаешься с парнем, который смотрит порно?

Эти диски были принесены с дипломной вечеринки, но Оливии не хотелось объяснять это Фредди. Она таинственно улыбнулась:

– А кто говорит, что Рэнд смотрит порно?

– Подожди минутку.

– Это я, – заявила она, – похоже это на меня или нет. В следующий раз, когда решишь заглянуть в платежную ведомость, проясни этот вопрос со мной.

– Ты скажешь «да». – Он сунул пыльную тряпку в задний карман. – Ты всегда говоришь «да». Это еще одна причина того, что я здесь.

– Не поняла.

Его привычная солнечная улыбка исчезла. Он посмотрел на Оливию искренними карими глазами и опустил перед ней на колено. Сунув руку в карман фартука, он вытащил маленькую черную коробочку.

– Оливия, я должен кое-что спросить у тебя.

– О, пожалуйста. Это шутка? – Она рассмеялась, но пристальность его взгляда встревожила ее.

– Я серьезен до смерти.

– Тогда вставай. Я не могу к тебе относиться серьезно, когда ты сидишь вот так на полу.

– Хорошо. Как скажешь. – Фредди глубоко вздохнул, встал и открыл коробочку. Внутри была пара серебряных сережек. С одной свисала буква «Н», а с другой – буква «О». – Дружеское напоминание о том, что ты мне отказала.

– Перестань, Фредди. – Она игриво толкнула его в бок. – У тебя были проблемы с Рэндом с первого дня. Я бы хотела, чтобы вы это преодолели.

– Я умоляю тебя. Всем сердцем. Не выходи за него. – Он драматично обнял ее. – Вместо этого выходи за меня.

– Ты безработный. – Она оттолкнула его.

– Нет уж. У меня лучший работодатель в городе – ты. А он опаздывает, не так ли? Мерзавец. Что это за мужчина, который опаздывает на собственную помолвку?

– Мужчина, который застрял в пробке из аэропорта. – Оливия подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу, на авеню, настолько запруженную такси, что это напоминало желтую реку. – И никто больше не говорит «мерзавец». Не ругай его, Фредди.

– Прости, ты права. Плохой Фредди. Плохой. – Он сделал движение, словно бичевал себя. – Это просто потому, что я не хочу, чтобы тебе сделали больно.

Снова. Он не сказал этого вслух, но слово повисло в тишине между ними.

– Я в порядке. Рэнд несколько не похож на... – Она боролась с эмоциональной бурей в душе. – Нет. Я не должна этого говорить. Я не хочу даже упоминать их.

Оливия вздрогнула. Проблема была в том, что она не могла убежать от собственной жизни. Факт состоял в том, что она уже была обручена и ее бросили два раза, и это стало такой же частью ее, как ее серые глаза и седьмой размер ноги⁶. В кругу ее друзей ее неудачи с мужчинами были чем-то, о чем принято шутить, как в старые добрые времена, когда они подшучивали над ее весом. И точно так же, как в старые добрые времена, Оливия смеялась вместе с ними, истекая кровью внутри.

– Умная девочка, – сказал Фредди. – Рэнд Уитни плох в своем роде, не так, как другие.

– О, ты становишься мелодраматичным.

– Он совсем не подходит тебе, солнышко.

– Знаешь что? – сказала она. – Мне это не нравится.

– Ты не можешь уволить меня. Ты меня не нанимала.

Она нетерпеливо притопнула.

– В случае если ты не понял, я хочу, чтобы ты ушел.

– В случае если ты не поняла, я пытаюсь заставить тебя бросить Рэнда.

Они смотрели друг на друга, и струна их дружбы дрожала между ними. Они встретились как студенты в Колумбии и с тех пор были лучшими друзьями. Они даже сделали одинаковые татуировки в ночь перед выпускным, хлебнув для мужества из бутылки «Саузен комфорт» вместе с Догджем, татуировщиком, нарисовав по бабочке на своих спинах: голубую – Фредди и розовую – Оливии. Фредди не знал старую, толстую, несчастную Оливию. Он верил, что она всегда была ошеломительной. Это была одна из любимых ее мыслей.

Бормоча предостережения и внушающие ужас предсказания между вздохами, он стащил с себя фартук, вытащил тряпку и ушел. Оливия сложила вещи для уборки, вытащила мобильник и проверила сообщения. Последнее, что Рэнд мог сделать, это дать ей знать, что он задерживается. Но если он был в самолете, он не мог сделать этого, разве не так?

Конечно, она могла позвонить в аэропорт, выяснить, прибыл ли его самолет, но она не знала номера его рейса. Что она за девушка, если не знает номера рейса своего бойфренда? Занятая девушка, у которой бойфренд половину времени проводит в разъездах. Он будет здесь с минуты на минуту, сказала она себе. Она сунула руку в карман и нащупала серебряные сережки, которые подарил ей Фредди. Что, если Фредди знал? И это так и есть. Она готова сойтись с Рэндом, строить с ним свою жизнь, иметь детей. Эта потребность была такой ощутимой, что ее живот свело.

⁶ Соответствует тридцать шестому номеру в России.

Делая медленный круг, чтобы осмотреть квартиру, она снова испытала чувство гордости и удовлетворения. Это замечательно, решила она, каждая малейшая деталь значит так много, оттенки цвета и угол, под которым падает свет, создавали настроение. Эти вещи производили большое впечатление на покупателей. Недвижимость, которая была умело подана, всегда получала более высокую цену.

Люди любят думать о себе как о живущих в определенном стиле, будучи окруженными определенными вещами. Создание комфорта, следы искушенности, признаки успеха и, может быть, самое важное и последнее – это чувство дома, чувство безопасности и принадлежности этому дому. И даже если все, что она делала, было дым и зеркала, она чувствовала, что достижения ее лучших работ реальны.

В ее бизнесе ключевой вопрос заключался в следующем: «Когда я вхожу в этот дом, чувствую ли я потребность снять туфли, налить себе стакан шерри у серванта и затем усесться в мягкое кресло с хорошей книгой и промурлыкать: я дома?»

Через сорок пять минут она уселась в кресло, борясь с зевотой. Она попыталась позвонить Рэнду на мобильный и с первого же звонка попала на автоответчик, и это означало, что он еще не приземлился. Он, скорее всего, был еще в воздухе.

Она прождала еще тридцать пять минут, прежде чем направиться в кухню. Она также была прекрасно оформлена, вплоть до ретродизайна из яблок на чайных полотенцах из винтажного магазина, в котором она частенько бывала. Одним из ключевых моментов было найти подлинные вещи, лишённые поддельного блеска новизны.

Чайные полотенца, выцветшие, но не блеклые, превосходно подошли.

Оливия направилась к буфетной, где расположились импортная паста из «Дин и Делука»⁷, оливковое масло холодного отжима, гранатовый сок и консервированный тунец. То, что Рэнд обычно ел, вроде «Лаки чермз» и копченых равиоли, теперь лежало спрятанное в корзине, которая выглядела так, словно готова была отправиться на пикник.

Она вытащила корзину и схватила пачку «Читос». Один из многих специалистов-диетологов, к которым ее направляли, когда она была круглолицым подростком, консультировал ее об опасностях еды под настроение.

«Черт с ним, – подумала она, залезая в пачку „Читос“, из которой пахнуло сыром. – Черт поberi все». Для полноты картины она схватила банку пива из стального, без единого пятнышка холодильника «Саб-Зеро», сделала долгий дерзкий глоток и отрыгнула.

Она уже десять минут предавалась разврату с «Читос» и пивом, когда услышала, как открылась и закрылась парадная дверь.

– Эй? – позвал голос от входа.

О-хо-хо. Она посмотрела на оранжевую пыльцу, впитавшуюся в ее пальцы. Она, наверное, легла и вокруг ее рта.

– Я вернулся, – неуверенно позвал Рэнд. Затем: – Вау. Эй, это место выглядит потрясающе.

Оливия выбросила пакет из-под «Читос» и бутылку из-под пива в мусорное ведро и бросилась к раковине, чтобы вымыть руки.

– Я на кухне, – отозвалась она, ее голос охрип. – Я сейчас выйду.

Она наклонилась над раковиной, ее волосы сбились на одну сторону, она сполоснула рот, когда он вошел.

– Оливия, ты чертов гений, – воскликнул он, открывая объятия.

Она торопливо вытерла рот чайным полотенцем.

– Да, а ты сомневался, – сказала она и упала в его объятия.

Мгновение он обнимал ее, затем поцеловал в лоб.

⁷ «Дин и Делука» – магазин деликатесов.

– Ты должна стать моим агентом по недвижимости после всего, что ты здесь сделала.

Оливия застыла. Ее сердце заняло раньше, чем понял рассудок. Понимание пронзило ее позвоночник и сжало голову. Было что-то в том, как мужчина обнимает женщину, когда он собирается сделать ей предложение. Осознание заключалось в том, что в его мышцах и во всем его теле было едва ощутимое сопротивление. Ощущение дискомфорта, витавшее вокруг него, было безошибочным.

Она отступила назад и посмотрела в его привлекательное лицо.

– О, мой бог, – сказала она. – Ты решил порвать со мной.

– Что? – Ее пронизательность была для него сюрпризом. – Эй, послушай, детка. Я не имею никакого представления, о чем ты говоришь.

Его протест только усилил ее убежденность. Она была права, и они оба это знали. Многие женщины с более сильными механизмами отрицания, чем у Оливии, были не способны заметить предупредительные сигналы. Но не Оливия, только не она со своим чувствительным радаром и только не после двух предыдущих поражений, которые оставили ее истекать кровью. Она была как одна из тех собак, которые натренированы на электрическую ограду. Ей достаточно было обжечься два раза, и она научилась это понимать.

«Читос» и пиво сформировали холодный, неприятный комок в ее желудке. «Это не должно случиться снова», – думала она.

– Я совершенно не поняла тебя. Боже, какая идиотка. – Она еще на шаг отступила от него.

– Помедленней, – сказал он, и его рука, которая легла на ее руку, была такой нежной, что ей захотелось заплакать.

– Сделай это быстро, – отгрызнулась она. – Словно срываешь пластырь. Покончи с этим быстро.

– Ты пришла к неверному заключению.

– В самом деле? – Она сложила руки на животе. «Не плачь, – сказала она себе, смаргивая слезы, которые вскипали под ее контактными линзами. – Оставь слезы до подходящего времени». – Ну хорошо. Как насчет того, чтобы рассказать мне, что ты намерен делать после того, как продашь эту квартиру?

Его взгляд бегал по сторонам, задерживаясь на потолке, который она поменяла в два часа дня сегодня пополудни. Это был еще один симптом мужчины в бегах. Он не хотел встречаться с ней взглядом.

– Кое-что случилось, когда я был в Лос-Анджелесе, – сообщил он ей, и, несмотря на то что ему, очевидно, было неловко перед ней, его лицо осветил энтузиазм. – Они хотят, чтобы я переехал туда, Лив.

Она задержала дыхание. Предполагалось, что он скажет: «Я сказал им, что не могу принять решения, пока не поговорю с тобой». Однако она уже знала. С сухой усмешкой, все еще не веря, она произнесла:

– Ты ответил им «да», не так ли?

Он этого не отрицал.

– Фирма собирается создать для меня новую позицию.

– Что, в резиденции для ослов?

– Оливия, я знаю, мы говорили о будущем вместе. Я не отрицаю этого. Ты можешь поехать со мной.

– И делать что?

– Это Лос-Анджелес. Ты можешь делать все, что захочешь.

«Выйти за тебя замуж? Иметь от тебя детей?» Она знала, что это не то, что он имел в виду.

– Вся моя жизнь, моя семья, мой дом, мой бизнес – все здесь, в Нью-Йорке. Я положила последние пять лет своей жизни на «Трансформэйшнз», – сказала она. – Я построила ее. Я не собираюсь просто уйти.

Она подумала о том, чтобы начать все заново. Компьютерная сеть, новые контакты, пиар, реклама самой себя на словах.

Эта мысль утомляла ее. Она наконец-то свела свои рабочие часы до мыслимых пределов, но у нее ушли на это годы. Начать все сначала в Лос-Анджелесе будет даже еще труднее. Здесь ее имя и связи открывали перед ней двери Манхэттена. «Этого не должно было случиться, – подумала она. – Не должно было».

– Скажи, что ты любишь меня, – бросила она ему вызов. – Скажи, что ты не можешь жить без меня. И именно это я имею в виду.

– Когда это ты превратилась в такую театральную деву?

– Знаешь что? – сказала она, отбрасывая волосы и расправляя плечи. – Если бы я достаточно сильно тебя любила, я бы поехала. Я бы с радостью в ту же секунду упаковала свои вещи.

– Что ты имеешь в виду под словами «достаточно сильно тебя любила»? – потребовал он.

– Достаточно, чтобы последовать за тобой куда угодно. Но я тебя не люблю. И это освобождающее замечание, Рэнд.

– Я тебя не понял. – Он провел рукой по волосам. – Это простая ситуация. Ты или переезжаешь в Лос-Анджелес со мной, или нет. Твой выбор.

«Мой выбор», – думала Оливия. К собственному удивлению, она поняла, что у нее есть выбор.

– Ну хорошо, в таком случае, – сказала она, как-то преодолев внезапную, забирающую дыхание агонию, – нет. – И с этими словами она направилась к двери.

На этот раз она справилась вполне достойно – в третий раз. Но если она задержится еще подольше, ее самообладание может ослабнуть. Она прошла через фойе, по артистичному ковру в красный цветок, который добавлял благоприятному впечатлению от входа. Было трудно не заметить иронию этого прекрасно организованного, словно сцена, жилища. Она решила разбить какую-нибудь чертову вещицу, но это было бы так... так похоже на Беллами.

Она пошла к лестнице, чтобы не ждать лифт. Она спускалась по лестнице в первый раз, она прорывалась по ней. Она все еще помнила, как стояла в вестибюле, желая, чтобы он догнал ее с криком: «Подожди! Я был не прав! О чем я только думал?»

Это никогда не срабатывало, разве что с людьми вроде Кэйт Хадсон или Риз Уизерспун. Люди вроде Оливии Беллами спускались по ступенькам.

Она даже не помнила, как приехала на такси домой. Она машинально переплатила водителю и взобралась по лестнице в свой каменный дом.

– О, это нехорошо, – сказал ее сосед, Эрл, поприветствовав ее, когда она шагнула в фойе между квартирами первого этажа. – Вы приехали домой слишком скоро.

Седовласый пожилой человек, который ходил в школу с отцом Оливии, Энтони Джордж Эрл-третий был владельцем здания из бурого песчаника. С тех пор как его вторая жена бросила его, он утверждал, что Оливия – единственная женщина, которую он хотел в своей жизни. Торопясь исполнить амбиции среднего возраста, он стал брать уроки кулинарии. В данный момент богатый аромат трески и уксуса проникал из кухни, но от этого Оливию только затошнило. Ей хотелось, чтобы она не говорила ему, что сегодня Рэнд собирается сделать ей предложение.

Эрл был разведен и жил один, но сейчас он повернулся и прокричал что-то кому-то в своей квартире.

– Наша девочка вернулась. И ничего хорошего.

Наша девочка. Он называл ее так только с одним человеком – его лучшим другом. Она уставилась на Эрла.

– Вы сказали ему? – Не ожидая ответа, она толкнула дверь и вступила в квартиру. – Папа?

Филипп Беллами поднялся с крутящегося кресла и открыл объятия Оливии.

– Просто крыса.

Он обнял ее. Ее отец был ее скалой и, может быть, той опорой, благодаря которой она пережила трудное взросление. Она прислонилась к его груди, вдыхая успокаивающий запах лосьона после бритья. Но только на мгновение. Если она обопрется на него слишком сильно, она потеряет способность стоять на своих ногах.

– Ах, Лолли, – сказал он, используя ее детское имя. – Мне очень жаль.

Было что-то фальшивое в тоне ее отца, разве он не знал, что она это услышит? Отодвинувшись назад, она изучала его лицо. Он выглядел как Гэри Грант⁸, все так говорили, из-за ямочки на его подбородке и этих глаз киллера. Он был высоким, элегантным мужчиной, таким, которых видишь в музеях управителями благотворительных фондов и которые устраивают по выходным вечеринки в Хэмптоне.

– Что происходит? – спросила она его.

– Разве что-то должно произойти, чтобы я навестил моего единственного ребенка и моего лучшего друга?

– Ты никогда не появлялся здесь без предупреждения. – Оливия снова взглянула на Эрла. – Не могу поверить, что ты сказал ему. – Она также не могла поверить, что оба, и Эрл и ее отец, знали, что все прошло плохо, что она вернулась домой расстроенная и нуждается в утешении. Она подумала, что это уже в третий раз они получают от нее сигнал ложной тревоги. – Мне нужно проверить Баркиса, – сказала она, крутя на пальце ключи и отступая в холл.

Она открыла дверь, и Баркис выбежал из своей собачьей дверцы и вспрыгнул ей на руки. Родители Оливии думали, что дверца для собак – это для безопасности, но она стала необходимой, учитывая ее сумасшедший рабочий график. Она теперь не беспокоилась о прогулках с собакой. Эрл был автором пьес и работал дома, он и присматривал за собакой, так что Баркису повезло.

Что было в избытке у этой маленькой собаки, так это чувства. Один только вид ее заставлял собаку плясать от радости. Оливия часто желала, чтобы она была такой потрясающей, какой ее считал Баркис. Она наклонилась, чтобы погладить его, отчего тот забился в экстазе.

Одно только то, что она пришла домой, немного подняло ее настроение. Ее квартира не была какой-то особенной, но, в конце концов, она была ее, наполненная светом, и красками, и текстурой, созданная за те три года, что она прожила здесь. Это была квартира, которую только можно было получить в Нью-Йорке, если верить ее матери, и это не был комплимент. Она была слишком теплая, и это было опасно приятно, и выкрашена в цвета глубокой осени, и заполнена старинной мебелью, которая служила больше удобству, чем моде.

– Ты такой прекрасный дизайнер, – частенько говорила ее мать. – Что здесь происходит?

Растения в разноцветных горшках цвели на каждом подоконнике – не редкие тропические растения, которые выражают вкус и искушенность, но бостонские папоротники и африканские фиалки, герани и примулы. Задний дворик, окруженный крошечным патио с флагами, был таким же, в конфетных цветах, освещающих каменную защищенность всех трех сторон. Иногда она сидела там и фантазировала, что шум машин – это звуки реки, что

⁸ Грант Гэри – американский киноактер.

она живет в местечке, где есть комната для ее пианино и ее любимых вещей, в окружении зеленых деревьев и открытого пространства. Пока ее отношения с Рэндом развивались, в картинку влетали дети, смеющиеся в ее воображении. Трое или четверо, во всяком случае. Так много мечтаний, думала она. Правильная мечта, но не тот парень.

Ее отец и Эрл заспорили и перешли в не слишком удобный кабинет для выпивки.

– Что будем пить? – спросил Эрл.

– Кампари с содовой, – сказал ее отец. – Со льдом.

– Я говорил с Оливией.

– У нее все то же самое.

Ее отец поднял локоть, он выглядел молодым и озорным, и Оливия была благодарна ему за то, что он не сентиментален. Если бы он сейчас предложил ей сочувствие, она могла бы просто растаять. Она кивнула, заставив себя улыбнуться мужчинам, затем оглядела квартиру. Если все сегодня пошло не так, то это еще мягко сказано. Она смотрела на свою квартиру новыми глазами и чувствовала одновременно сладость и горечь, потому что вскоре она собиралась переехать отсюда, планируя будущее с Рэндом Уитни. Вместо этого она видела место, где она, вероятно, будет жить вечно, превращаясь в старую деву.

Оливия и ее отец уселись за столиком у окна, выходящего в сад, и пили их аперитивы. Эрл умудрился подать им поднос с закусками.

У Оливии не было аппетита. Она чувствовала себя, словно выжила в каком-то бедствии, она была потрясена и разбита, пересчитывая свои раны.

– Я идиотка, – сказала она, и лед звякнул в ее стакане, который она поставила на железный столик.

– Ты солнышко. Как там его зовут, он первоклассный болван, – возразил ее отец.

Она закрыла глаза.

– Боже, почему я делаю это с собой?

– Потому что ты... – Всегда осторожно подбирая слова, ее отец замолчал, чтобы употребить нужное.

– Неудачница три раза, – подсказала Оливия.

– Я собирался сказать, что ты безнадежно романтична. – Он нежно улыбнулся ей.

Она одним глотком допила остатки своей выпивки.

– Полагаю, что ты прав только наполовину. Я безнадежна.

– О, начинается, – сказал Эрл. – Позволь мне взять мою скрипку.

– Перестань. Разве нельзя помучиться хотя бы один вечер?

– Не из-за него, – сказал ее отец.

– Он этого не стоит, – поддержал Эрл. – Не больше чем Пайерс или Ричард этого стоили. – Он произнес имена ее первых двух поражений с преувеличенным отвращением.

– Есть одна вещь, касающаяся разбитых сердец, – сказал ее отец. – Ты всегда можешь выжить, всегда. Не имеет значения, как глубока боль, способность исцелиться и двигаться дальше всегда сильнее.

Она подумала, не говорит ли он о своем разводе с ее матерью столько лет назад.

– Спасибо, ребята, – сказала она. – Ваши уговоры, что я слишком хороша для него, сработали раз. Может быть, два. Но это третий раз, и мне приходится признать, что что-то не так со мной. Я хочу сказать, не кажется ли вам странным, что я встретила трех негодяев подряд?

– Дорогая, это Манхэттен, – оживился ее отец. – Это место заполнено ими.

– Прекрати винить себя, – посоветовал Эрл. – Ты заработаешь себе комплекс.

Она наклонилась и почесала Баркиса за ухом – его любимая ласка.

– Я думаю, у меня уже есть комплекс.

– Нет, – сказал Эрл, – у тебя есть результат. Вот в чем разница.

– И один из этих результатов тот, что ты принимаешь свою потребность в любви за настоящую любовь, – заключил ее отец. Он выглядел очень похожим на доктора Филя.

– О, отлично сказано, – одобрил Эрл, и они обменялись рукопожатиями через стол.

– Эй! Вы имеете дело с разбитым сердцем, – напомнила им Оливия. – Предполагается, что вы должны помочь мне, а не практиковаться в доктринерской философии.

Ее отец и Эрл посерьезнели.

– Ты начнешь первым или я? – спросил Эрл.

Ее отец скормил собаке еще одну галету. Оливия заметила, что он не ест и не пьет, и почувствовала себя виноватой из-за того, что расстроила его.

– Тут в самом деле особенно много не скажешь, – сообщил ей Эрл, – кроме того, что ты не любишь Рэнда. Или еще одно. Ты только думала, что Рэнд какой-то особенный, потому что он казался тебе подходящей парой.

– Он переезжает в Лос-Анджелес, – призналась она. – Он даже не спросил, соглашусь ли я на это. Он просто ожидал, что я поеду с ним. – Она ощущала, что ее грудь распирает, и знала, что она в одном шаге от слез, потому что истина состояла в том, что она не любила Рэнда достаточно... но все же немного любила.

– Тебе сколько? Двадцать семь лет, – продолжал Эрл. – Ты еще ребенок. Эмоционально словно новорожденный. Ты даже не прикоснулась к поверхности того, что такое любовь.

Ее отец кивнул:

– Ты еще не прошла начальную стадию. Ты гуляла по Централ-парку, и вы кормили друг друга вкусными обедами, и он представил тебя своим друзьям. Это не любовь, не то, чего ты заслуживаешь. Это вроде... согревающего упражнения.

– Откуда ты знаешь это, пап? – потребовала ответа она, убитая тем, что он так славно препарировал ее взаимоотношения с Рэндом. Затем она поймала выражение лица ее отца и сдалась. Несмотря на то что ее любовная жизнь всегда была под микроскопом, брак и развод ее родителей были защищены конспиративным молчанием.

– Есть любовь, которая в силах спасти тебя, провести через всю твою жизнь, – сказал ее отец. – Это словно дышать. Ты должна получить ее, или ты умрешь. И когда с этим покончено, ты начинаешь истекать кровью, Ливи. В мире больше нет подобной боли, и, клянусь, если бы ты сейчас чувствовала себя так, ты была бы не способна сидеть здесь и вести связную беседу.

Она встретила взгляд отца. Он так редко говорил с Оливией о предметах сердечной боли, что она была склонна его послушать. Его слова задевали что-то в глубине ее души. Любить так... это было невозможно. Это пугало.

– Для чего кому-то хотеть такого?

– В этом и состоит жизнь. Это причина, которая проводит тебя через жизнь. Не потому что ты с кем-то совместима, или вы хорошо смотрите вместе, или ваши матери в один и тот же колледж ходили.

Явно, эти двое изучали и обсуждали резюме Рэнда Уитни.

– Я все еще чувствую себя ужасно, – сказала она, понимая, однако, что они правы.

– Ну конечно, – сказал отец. – И предполагается, что ты так будешь чувствовать себя день-два. Но не путай это чувство с утратой любви. Ты не можешь ее потерять, если ее с самого начала не было. – Он покрутил стакан, звеня кубиками льда.

Оливия подперла рукой подбородок.

– Спасибо тебе, папа, за то, что ты такой отличный.

– Он – мать, которой у тебя никогда не было. – Эрл не делал тайны из своей неприязни к Памеле Лайтси Беллами, которая все еще носила имя мужа, через годы после развода.

– Эй, – предостерег его Филипп.

– Ну, это правда, – заверил Эрл.

Оливия допила остаток кампари и положила лед в пересохшую землю африканской фиалки.

– Итак, что теперь?

– Теперь нам стоит отправиться пообедать, и у тебя, может быть, нет аппетита, но все в порядке, – сказал Эрл.

– Мама будет вне себя, – вздохнула Оливия. – У нее были большие надежды в отношении Рэнда. Я просто-таки слышу ее теперь: «Что ты сделала, чтобы отшить его?»

– Памела всегда была такой очаровательной женщиной, – сказал Эрл. – Ты уверена, что ты единственный ребенок? Может быть, она съела остальных, когда ты была маленькой?

Оливия ухмыльнулась над краем высокого стакана.

– Она бы никогда этого не сделала. Мама получает слишком большое удовольствие, мороча людям голову. Готова спорить, что она бы заимела десяток таких, как я, если бы могла.

Годы взросления у Оливии ушли на то, чтобы снизить вес, который делал ее мишенью для насмешек, и получить одобрение своей матери. Забавно, но неудивительно, все, что потребовалось для этого, – потерять сорок или шестьдесят фунтов. Когда тонкая, шикарная Оливия вылезла из кокона своего пристрастия к еде, Памела получила возможность удовлетворить целую серию амбиций, связанных с ее единственной дочерью. Памелу никогда не занимал вопрос, почему Оливия успешно сбросила вес, когда покинула дом и отправилась в колледж.

– Я хотел бы, чтобы вас был десяток, – громко заявил Эрл, чокаясь с ней стаканом. – Ты очаровательна, и все равно с Рэндом Уитни это бы не сработало.

– И все равно Памела обрадовалась бы, если бы Оливия вышла замуж за Уитни, – задумался ее отец.

– Ерунда. Она так занята благотворительностью и всякими открытиями галерей, что мы ее и не видим.

– Не могу поверить вам, ребята. Если вы так убеждены, что я была бы несчастна с Рэндом, почему вы не сказали мне этого месяц назад?

– Разве ты стала бы слушать? – Ее отец поднял бровь.

– Ты шутишь? Он Рэнд Уитни. Он выглядит как Брэд Питт.

– Что должно было бы стать для тебя первым предостережением, – подчеркнул Эрл. – Никогда не доверяй мужчине, который делает инъекции коллагена.

– Он и не делал. – Оливия знала, что это было только один раз, для журнала «Ярмарка тщеславия». Из-за этих журналов она стала еще большей его фанаткой, она приходила в восторг от этого роскошного блондина, его очарования, достигаемого без труда, его упорства, его убежденности, что он работает ради того, чтобы жить как и все остальные.

В статье Оливию покорило одно предложение: «Рэнд Уитни защищает свою частную жизнь. Когда его спросили о романтических отношениях, он сказал только: „Я встретил кое-кого особенного. Она замечательная, и это все, что я могу вам сказать“».

Была только одна проблема. Дюжина других женщин также думали, что это заявление сделано о них. Когда статья вышла, Оливия и Рэнд посмеялись над ней, и она была тронута гордостью, которая осветила его лицо. У него были свои проблемы и чувство неуверенности, как и у каждого на свете.

И теперь он получил свою свободу.

Она смирилась с тем, что проведет этот вечер с отцом и Эрлом. Это был один из первых теплых вечеров сезона, так что Эрл настоял, чтобы они перенесли еду в патио для обеда на свежем воздухе. Она, ее отец и Эрл играли в тосты. Они обходили вокруг стола, по очереди отыскивая, что бы им выпить. Это была игра в доказательства самим себе того, что миру есть за что быть благодарными, как бы ни складывалась жизнь.

– Компьютерное обеспечение для диктовки, – сказал Эрл, поднимая стакан. – Я ненавижу печатать.

– Я поднимаю бокал за мужчин, которые умеют готовить, – сказал Филипп. – Спасибо за обед. – Он повернулся к Оливии: – Твоя очередь.

– Таблетки от глистов, которые нужно давать раз в месяц, – сказала она, нежно глядя на Баркиса.

Ее отец посмотрел на нее добрыми глазами:

– Как плохо, что они не делают их для людей.

Они с Эрлом видели, как она проходила через это уже два раза. Она чувствовала себя... пронзенной. В ее прошлом был пункт, который все еще держал ее в плену. Она знала, что это за момент. Ей было семнадцать, она проводила в лагере свое последнее лето перед колледжем, работая вожатой. В тот раз она отдала свое сердце, – полностью, бесстрашно, без отлагательств. Все кончилось плохо, и она завязла в эмоциональных зыбучих песках. Она все еще не знала, как оттуда выбраться.

Может быть, ее бабушка дала ей шанс сделать это.

– Знаете что? – сказала она, вскакивая из-за стола. – У меня нет времени сидеть тут с вами и депрессировать.

– Итак, мы практикуем быстрые разрывы?

– Простите, но вы, ребята, должны меня извинить. Мне нужно упаковать сумки, – сказала она, вытаскивая из кейса фотоальбом Наны. – Первое, что я сделаю утром, – это начну новый проект. – Она сделала глубокий вдох, удивленная тем, что ее охватили надежда и восторг. – Я уезжаю на лето.

3

– Это плохая идея, – сказала Памела Беллами, открывая дверь, чтобы впустить Оливию.

Роскошная квартира на Пятой авеню была похожа на музей, с его полированными паркетными полами и красиво расставленными предметами искусства. Однако для Оливии это было просто место, где она выросла. Для нее Ренуар в фойе был не более замечателен, чем пластиковые контейнеры в кухне.

Однако, даже будучи ребенком, она чувствовала себя в гостях, незнакомкой, не на месте в элегантности ее собственного дома. Она предпочитала милые вещицы: африканские фиалки и старые стулья, забавные сувениры и ковры из грубой шерсти. Между матерью и дочерью была долгая история разъединения. Оливия была одиноким ребенком, и ее родители были одинокими, и она испытывала груз ответственности – быть для них всем. Она старательно училась и занималась музыкой, надеясь, что ее дневник с отличными оценками или музыкальная награда смягчат холод, который, казалось, окружал ее семью с тех пор, как она себя помнила.

– Привет, мама. – Оливия поставила сумку на стол и обняла ее.

Ее мать пахнула «Шанелью № 5» и сигаретами, которые она исподтишка покуривала на восточном балконе после завтрака каждое утро.

– Почему, ради бога, ты взялась за этот проект? – потребовала ответа ее мать.

Пока Памела знала только то, что Оливия рассказала ей по телефону накануне вечером, – что между нею и Рэндом все кончено и что она собирается провести лето, обновляя лагерь «Киога».

– Потому что Нана попросила меня, – мягко ответила она. Это было самое простое объяснение, которое она могла привести.

– Это абсурд, – сказала Памела, поправляя шалевый воротник свитера Оливии. – Ты кончишь тем, что проведешь все лето в пустыне.

– Ты так говоришь, как будто это плохо.

– Это плохо.

– Я пыталась сказать тебе и папе об этом каждое лето, пока росла, но вы никогда не слушали.

– Я думала, тебе нравится ездить в летний лагерь. – Ее мать протянула руки ладонями вверх в беспомощном жесте.

Оливия ничего не ответила. Недоразумения наполняли все ее детство.

– Я полагаю, ты уже обсудила это с твоим отцом. – В голосе Памелы прозвучало ледяное равнодушие.

– Да. Нана и дедушка его родители, в конце концов. – Оливия уже чувствовала усталость. Ее мать имела способность утомлять ее плавным потоком слов. Однако Оливия была решительно настроена не поддаваться.

Во всяком случае, ее отец не пытался встать у нее на пути. Вчера вечером, когда она объяснила свое внезапное решение взяться за проект лагеря «Киога», он поддержал ее и ободрил. Сегодня к полудню приготовления уже шли полным ходом. Она взяла в аренду на лето огромный SUV⁹, организовала работу офиса в свое отсутствие и договорилась с другой фирмой по недвижимости, чтобы ей передавали почту и занимались ее текущими делами.

– Ты убегаешь, – огорчилась ее мать. – Снова.

⁹ SUV – Sports Utility Vehicle – практичный спортивный автомобиль.

– Думаю, что да. – Оливия вытащила свой ежедневник и открыла его на странице, которую исписала в такси.

– Дорогая, мне так жаль. – Ее мать выглядела искренне подавленной.

– Да ничего, такое случается. – Иногда Оливии хотелось прижаться к матери и поплакать у нее на плече. Но это ничего не давало. Только не между нею и Памелой. – Мне тоже жаль, мама, – сказала она. – Я знаю, что на этот раз у тебя были надежды.

– О, ради бога, не обращай на меня внимания. – Ее мать издала кудахчущий звук. – Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, вот и все. Это моя главная забота.

– Со мной все будет в порядке, – заверила ее Оливия. К ее изумлению, в глазах ее матери показались предательские слезы. Она поняла, что Памела приняла это ближе к сердцу, чем она сама. – Это еще не конец света, верно? – сказала Оливия. – В жизни бывают вещи и похуже, чем быть брошенной бойфрендом. И теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что меня даже не бросили.

– Не бросили? – Памела вытерла лоб и щеки салфеткой.

– Рэнд просил меня переехать с ним в Лос-Анджелес.

– Я этого не знала. Дорогая, может быть, тебе стоит подумать...

– Никогда не поеду туда.

– Но когда ты сделаешь этот шаг, когда ты разделишь с ним свою жизнь, вы оба осознаете, что счастливы вместе.

– Я думаю, я осознала, что мы счастливы по отдельности.

– Глупости. Рэнд Уитни превосходно тебе подходит. Я не понимаю, почему ты сдалась без борьбы.

Сердце Оливии упало. Вот что удручало Памелу Лайтси Беллами – она желала, чтобы она была счастлива и успешна любой ценой, даже если это означало борьбу. Даже если это означало скрывать тот факт, что ты сама все еще не оправилась после развода, через семнадцать лет после него.

Однажды, давным-давно Оливия спросила свою мать, счастлива ли она. Вопрос вызвал недоверчивый смешок.

– Не будь глупышкой, – ответила Памела. – Я исключительно счастлива, и было бы несправедливо считать иначе.

Что даже близко не подходило к правде, думала Оливия.

– Я покончила с Рэндом Уитни, – заключила она, – и очень мило с твоей стороны тревожиться обо мне. Но я все решила. Я собираюсь сделать это для Наны. Я хочу взять пару вещей, пока я здесь.

– Это безумие, – сказала ее мать. – Я не знаю, о чем думает Джейн, попросив тебя сделать подобную вещь.

– Может быть, она думает, что я достаточно хороша в своей работе, чтобы принести ей успех.

Памела выпрямила спину:

– Ну конечно, она думает. И она очень счастливая женщина, потому что это место будет выглядеть потрясающе, когда ты его преобразишь.

– Спасибо, мама. Ты абсолютно права.

Разочарование на лице матери было не только из-за Рэнда. Оливия знала, что грядущий юбилей ставит маму в странное положение. Отец Памелы, Сэмюэль Лайтси, был лучшим другом Чарльза Беллами. Может быть, поэтому ее мать завершила развод на бумаге, но никогда в своем сердце. Тесные связи ее семьи с Беллами создали узы, которых она не могла избежать.

– Мама, ты приедешь?

– Было бы проявлением незрелости отказаться.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Оливия. – Все будет отлично. Послушай, мне нужно выудить кое-что из подвала. – Она смотрела в прелестное, невозмутимое лицо матери. – Мои старые кроссовки, – добавила она. На мгновение ее сердце остановилось. – Скажи мне, что ты не выбросила их.

– Я ничего не выбрасываю. Никогда, – улыбнулась ее мать.

Что многое объясняло в Памеле. Ясно, как вчера, Оливия помнила день, когда ее отец съехал. Она все еще могла представить себе, как она выглядела сквозь потоки слез, словно он был по другую сторону залитого дождем окна. Он присел, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Мне пора идти, дорогая, – сказал он ей.

– Нет, не пора. Но ты все равно уйдешь.

Он не стал ее разубеждать. Невысказанное напряжение, которое всегда существовало между родителями Оливии, достигло критической точки. Это должно было стать облегчением, но Оливия облегчения не чувствовала.

– Я оставляю несколько коробок с вещами в подвале, – сказал ей отец, – включая мое спортивное снаряжение и лагерный инвентарь. Теперь все это твое.

То и дело она вытаскивала его старый свитер из «Киоги» и надевала его или заворачивалась в шерстяное одеяло, которое пахло шариками от моли.

Оливия села в грузовой лифт, спускаясь в одиночестве в глубины старого здания, и вошла в подвал. Она тут же обнаружила свой шерстяной спортивный костюм. Плотная ткань была покрыта эмблемами «Киоги», каждого лета с 1987 по 1994 год. Большинство скаутов собирали эти нашивки, каждая из которых представляла волшебное лето в лагере. Но не Оливия. Однако она послушно нашивала их, чтобы не обидеть своих бабушку и дедушку. Сами эти заветные нашивки не имели для нее никакой сентиментальной ценности. Нана и дедушка были убеждены, что лагерь был для нее волшебной страной, и они бы расстроились, если бы им сказали, что все иначе.

Оливия отложила в сторону рюкзак и огляделась в хорошо организованной подвальной комнате, заполненной старыми вещами и старыми воспоминаниями. Там были фотографии в рамочке – Оливии и ее отца и кожаные альбомы с наклейкой Беллами. Отодвинув большой тяжелый сундук со спортивной одеждой, которую ее отец оставил ей много лет назад, Оливия открыла крышку и была поражена заплесневелым запахом, которому она немедленно нашла имя: лагерь. Это было незабываемое сочетание плесени, дровяного дыма и запаха гор – композиция, которую не могла уничтожить стирка и которая витала в воздухе.

Обыскивая шкаф, она нашла фонарик, книгу о выживании в пустыне и сгребла винтажную толстовку лагеря «Киога» с капюшоном, на которой было вышито «вожатый» на спине. В семье Беллами недостаточно было быть скаутом. Когда каждый из них достигал определенного возраста, работа вожатого была обязательной повинностью. Отец Оливии, все ее тетушки и дядюшки проводили там летние каникулы во время учебы в колледже, возглавляя лагерные мероприятия днем и устраивая по ночам вечеринки с остальным персоналом. Оливия, ее кузены и кузины делали то же самое до того момента, как девять лет назад лагерь закрыли. Это было лето, которое началось с больших ожиданий, но окончилось бедствием. Она была удивлена тому, как живо она вспомнила запахи и звуки, качество света и тихую гладь озера, головокружительную радость и тошнотворное разочарование, которое она испытала тем летом. «Я с ума сошла, возвращаясь туда», – подумала она.

Она сложила несколько основополагающих вещей в рюкзак: полосатое одеяло, толстовку и старую теннисную ракетку, которую следовало починить. Она собрала деревянные значки с выжженными на них именами скаутов, весла от каноэ, выкрашенные с удивительным умением, на рукоятке автографы других скаутов. Сборники песен, браслеты с дружескими надписями, обгоревшие свечи и безделушки – это было целое богатство.

Для того чтобы придать жилищу обитаемый вид, нужны детали – чем более они подлинные, тем лучше. Вещи вроде этих вернут лагерь к жизни, и она рассчитывала, что ее тетушки и дядюшки внесут свой вклад в коллекцию. В глубине ящика со спортивными снарядами она нашла теннисный кубок, потускневший и потертый. У него был пьедестал, двойные ручки и крышка-купол. Эта вещь будет отлично выглядеть среди трофеев в обеденном холле лагеря, учитывая, что витрина все еще там.

Когда она подняла теннисный кубок, в нем что-то зазвенело. Она сняла крышку, и оттуда выкатился какой-то предмет. Пуговица? Запонка. Она тоже была сделана из потускневшего серебра, хорошего дизайна – может быть, знак зодиака? Она поискала вторую, но в кубке была только одна. Она сунула запонку в карман и потеряла трофей, пытаясь разобрать гравировку: «Классический кубок вожатых. Первое место. Филипп Беллами. 1977». Очевидно, ее отец выиграл кубок на ежегодных играх персонала, когда работал вожатым в лагере «Киога» в тот год. Ему тогда было двадцать один год, и он готов был перейти на старший курс колледжа.

Она нашла внутри кубка и фотографию. Края фотографии загибались, изображение выцвело, но вид этого снимка заставил ее задержать дыхание. Она видела отца таким, каким никогда не видела прежде, держащим в руках блестящий новенький трофей. Похоже, он хохотал от радости, его голова откинулась назад, а рука обнимала девушку. Нет, молодую женщину.

Оливия вытерла пыльную фотографию о рукав и поднесла к свету. На задней стороне фотографии была написана дата – «август 1977» – и больше ничего. Она пристально изучила женщину. Длинные темные волосы, подстриженные прядями, свободно падали на ее лагерную рубашку. Откиннутые волны волос обрамляли привлекательное лицо, ее улыбка была тронута тенью тайны. С ее полными губами, высокими скулами и темными миндалевидными глазами незнакомка обладала экзотической красотой, которая контрастировала с обыкновенными шортами и рубашкой, в которые она была одета.

Было что-то, связывающее этих мужчину и женщину на фотографии, отчего у Оливии разгорелось любопытство. Это было единство – нет, очевидная интимность просматривалась в их позах. Или, может быть, у нее просто разыгралось воображение.

Оливия знала, что может спросить отца, кто эта незнакомка. Она была уверена, что он вспомнит женщину, которая заставляла его смеяться так, как он смеялся на фотографии. Но она не хотела расстраивать его, спрашивая о старой подруге. Вероятно, была причина для того, чтобы она оставалась незнакомкой.

Что-то в этой старой фотографии беспокоило Оливию. Она изучала ее еще мгновение. Снова посмотрела на дату. «Август 1977». Вот так. В августе 1977 года ее отец был обручен с ее матерью, и они поженились позже в том же году, на Рождество.

Так что же тогда он делал с этой женщиной на фотографии?

ПРАВИЛА УПРАВЛЕНИЯ ЛАГЕРЕМ «КИОГА»

Демонстрация слишком сильных чувств между мужчинами и женщинами запрещена. Это касается скаутов, вожатых и персонала.

4

Август 1977 года

– Филипп, что ты делаешь? – спросила Маришка Маески, входя в бунгало.

Он прекратил вышагивать и повернулся, его сердце замерло при виде ее потрясающего коктейльного платья из шифона и туфель на платформе, ее темные, волнистые волосы падали на загорелые плечи.

– Декламирую, – признался он, его грудь наполнилась радостью и страхом, сильными чувствами, переживаемыми во время необъявленной войны.

Она склонила голову набок в том очаровательном жесте, которым она выражала любопытство.

– Декламируешь что?

– Я репетирую речь, которую скажу Памеле, когда она вернется из Европы, – объяснил он. – Пытаюсь придумать, как покончить с нашей помолвкой. – С тех пор как его невеста отправилась за море, между ними был только один краткий, неудовлетворительный телефонный разговор и торопливый обмен открытками и телеграммами. Итальянская телефонная система была известна своей ненадежностью, и она разрушила ее мечты, а в письме всего не напишешь.

На следующей неделе она возвращалась, и он должен сказать ей лично. Это заняло у него целые столетия.

Единственное, чего он боялся больше, чем разрыва, – это провести остаток своей жизни с человеком, который не владел его сердцем так, как Маришка.

Теперь Маришка посерьезнела, ее пухлые губы сложились в печальную улыбку. Филипп обнял ее. Она пахла фантастически, опьяняющей смесью цветов и фруктов, и она прекрасно подходила к его объятиям, словно была создана для него, точно как в песне. Ее близость заставила его забыть свои тревоги из-за Памелы.

– Я взяла это в моментальном фото. – Маришка вытащила из сумочки конверт. – Это наш снимок. Я заказала два экземпляра, чтобы у тебя тоже осталась фотография. – Перебирая фотографии спортивных соревнований в лагере, она вытащила один снимок, где были она и Филипп, смеющиеся триумфаторы, и он держит над собой блестящий серебряный кубок.

Его сердце сжалось. Он выглядел таким счастливым, черт побери. В тот момент он был счастлив. Сняв теннисный трофей с полки, он сунул снимок внутрь и снова закрыл крышкой.

– Спасибо, – сказал он.

Она пересекла комнату и поцеловала его.

– Нам пора идти. Это последний танец лета, а ты знаешь, как я люблю танцевать.

Каждое лето сезон заканчивался серией ритуалов. Вчера все скауты разъехались по домам. Сегодня было прощание персонала, обед с танцами, который закончится в полночь. К этому времени завтра почти все уедут, и вожатые вернутся в свои колледжи.

– Пойдем, – подгоняла она его, отходя в сторону и беря его за руку. – Я не хочу растрепать волосы. – Она блеснула на него глазами. – Во всяком случае, пока.

Даже этого легкого обещания было достаточно, чтобы вызвать в нем лихорадочную спешку. Когда они покинули бунгало, он застегнул свою спортивную куртку и понадеялся, что его физическая реакция на ее близость не была слишком очевидной. С начала лета он вечно оглядывался, чтобы увериться, что за ними не следят. В «Киогге» были строгие правила насчет отношений между вожатыми и другими работниками, и то, что его родители были владельцами лагеря, не означало, что он – исключение.

Маришка не была вожатой, но предполагалось, что она тоже подчиняется этим ограничениям. Она и ее мать, Хелен, снабжали лагерь хлебом и выпечкой. С четырнадцати лет Маришка водила белый фургон в горы каждое утро и на закате, привозя хлеб, печенье, булочки и пирожные в обеденный зал. Местная полиция смотрела в сторону, когда ее грузовичок проезжал мимо. Мать Маришки, польская иммигрантка, так никогда и не научилась водить машину. Ее отец работал посменно на заводе в Кингстоне. Они были семьей из рабочего класса, и власти им симпатизировали. Они не возражали, что девочка-подросток помогает в семейном бизнесе.

Когда Филипп и Маришка пробирались сквозь лес в закатном свете, он не мог удержаться, чтобы не обнять ее. Она уткнулась ему в плечо.

– Осторожно, – мягко сказала она, – кто-нибудь может увидеть.

– Ненавижу этих доносчиков.

Его кишки свело от острого чувства вины. Не очень-то красиво было – влюбиться в другую девушку, когда твоя невеста за морем. Но он ничего не мог с собой поделать. Он не мог сопротивляться Маришке, несмотря на то что не чувствовал себя с ней свободно. Она была такой понимающей, она помогала ему скрывать свои чувства, но он подозревал, что она с радостью перестала бы прятаться. В тот момент, когда Памела вернется, он прекратит с ней отношения, и они с Маришкой смогут наконец показать миру, что творится в их сердцах.

– Ты странно смотришь на меня, – сказала Маришка. – Что означает этот взгляд?

– Я пытаюсь решить, когда именно я влюбился в тебя.

– Это легко. Это было в тот вечер, после Дня основателя.

Он не мог удержаться от улыбки, хотя и думал, что она ошибается.

– Это было в первый раз, когда у нас был секс. Я влюбился в тебя до этого.

Они добрались до конца гравийной дорожки и по привычке разделились, держа дистанцию. В павильоне через поле полным ходом шли танцы. Зеркальный шар диско спускался в центре, его отражения создавали эффект снежинок на переполненной танцплощадке. Все выглядели более раскованными, чем обычно, во всяком случае, так показалось Филиппу. Но может быть, это было только его воображение.

У павильона он остановился.

– Что такое? – спросила она.

– Потанцуй со мной. Прямо здесь и сейчас.

– Эти туфли не так хорошо подходят для травы, – запротестовала она.

– Тогда снимим их. Я хочу потанцевать с тобой наедине, чтобы никто не видел, чтобы я мог обнять тебя так, как мне хочется.

В павильоне им придется разойтись, притворяясь, что они просто друзья. А ему хотелось потанцевать с ней как с любимой девушкой.

С шелковым смехом она скинула туфли и скользнула в его объятия. Ансамбль играл сносную версию «Лестницы в небо», и они танцевали во тьме, где никто не мог их видеть. Она замечательно чувствовала себя в его объятиях, и ее сердце сжималось при мысли, что вскоре весь мир узнает о том, что она принадлежит ему.

Обнимая ее крепче и двигаясь под музыку, он наклонился и прошептал ей на ухо:

– Это произошло не сразу. То, что я влюбился в тебя. Я думаю, это началось четыре года назад, когда ты впервые стала привозить хлеб к обеду. – Он все еще мог представить себе ее, коричневую от солнца, серьезную девочку, которая тяжело работает, и не может скрыть вражды к привилегированным городским. Она тронула его, красивая девочка, желающая того, что не может иметь. И она трогала его сейчас, красивая женщина, мечты которой в конце концов почти сбылись.

– Каждое лето, как я приезжал сюда, – сказал он, – я все больше и больше влюблялся в тебя.

– Но ты ничего не предпринимал до этого лета, – заметила она, и в ее голосе прозвучала нотка мягкого упрека.

– Я не думал, что ты этого хотела.

– О, я хотела. Я хотела, чтобы ты сбил меня с ног.

Он посмеялся и сделал как раз это, подхватив ее одной рукой под колени, а другой за плечи.

– Вот так?

У нее вырвался взглас удивления, и она прижалась к его груди.

– Точно так.

Тогда он поцеловал ее, медленно и жадно, и пожелал, чтобы он обнаружил свои чувства гораздо раньше, чем настало это лето. Каким идиотом он был, когда думал, что эти чувства не надежны, ожидая каждое лето, что они исчезнут. Может быть, он проводил слишком много времени с родителями своего отца, грозными бабушкой и дедушкой Беллами, которые утверждали, что невозможно влюбиться в кого-то из другого класса. Они обожали напоминать Филиппу, что он утонченный молодой человек, с первоклассным образованием и блестящими перспективами на будущее. Девушка вроде Маришки, которая ходила в школу в маленьком городе и которая работала в семейной пекарне и частично в местной ювелирной лавке, считалась бы не парой ему.

Памела Лайтси, с другой стороны, казалось, была создана для него. У нее было все, что человек в его положении может пожелать от своей жены, – мозги, красота, сердце, социальный статус. Ее родители были лучшими друзьями его родителей. Состояние Лайтси происходило от ювелирной империи, и они предоставили своей дочери те же преимущества, которыми наслаждался Филипп, – частная школа, персональные тренеры, заграничные путешествия, колледж «Айви Лиг». Она была красивой блондинкой, владела двумя языками и играла на пианино. Это лето она проводила в Позитано, улучшая свой итальянский.

Однако Филипп обнаружил, что кое-чего не хватает. Когда он смотрел в глаза Памелы, он не чувствовал головокружения от любви. Это происходило только с Маришкой.

Он заставил себя прекратить ее целовать и поставил на землю.

– Нам пора войти, – сказал он. – Люди начнут гадать, где мы.

Под людьми он подразумевал товарищей-вожатых и персонал. Большинство парней вроде него провели свои детские годы в «Киоге». Они завидовали Филиппу, потому что он собирался жениться на Памеле Лайтси. Это успокаивало – немного – знать, что многие из них были бы готовы перехватить ее у него.

Его живот сводило всякий раз, как он думал о разрыве их помолвки. Однако у него не было выбора. Это было бы нечестно по отношению ко всем – и к Памеле, и к Маришке – притворяться, что за это лето ничего не переменялось. Это было бы нечестно по отношению к детям, о которых они как-то говорили с Памелой, дети заслуживают расти в доме, полном любви.

Он не должен был делать ей предложения прошлой весной, в день ее рождения. Но она так хотела этого. Один из дизайнеров, который работал на «Лайтси голд энд Джем», создал исключительное кольцо, 1,3 карата бриллиант, ограненный маркизой, оправленный в золото. Он склонился перед ней на колени в середине кампуса «Нью Хэвен Грин», тогда он мог поклясться, что любит ее.

Какой он был дурак. Ему потребовалась Маришка Маески, чтобы он узнал, что такое любовь.

Рядом с павильоном он остановился и сжал ее руку, потом наклонился и сказал:

– Я люблю тебя.

Она наградила его улыбкой, потом освободила руку. Они двигались в танце бок о бок, словно пара старых друзей.

Вечеринка была в полном разгаре. Его родители сновали среди гостей, как всегда, превосходные хозяева. Даже более чем превосходные, заметил он, пытаясь не съезжиться – Лайтси тоже были здесь. Родители Памелы и его собственные друзья по жизни – еще один фактор, который усложнял планы Филиппа. Они сновали взад и вперед. Мистер Лайтси был шафером на свадьбе Беллами, и с тех пор пары дружили. Казалось, брак между Филиппом и Памелой был предопределен. Каждый год семья Памелы приезжала в конце сезона, чтобы помочь закрыть лагерь и ухватить несколько последних летних деньков прежде, чем направиться обратно в город.

Когда Лайтси находились поблизости, он должен был проявлять предельную осторожность. Он должен был сказать Памеле обо всем наедине. Если она услышит новости от своих родителей... Он даже не хотел об этом думать. И чтобы сделать все еще сложнее, за буфетным столом стояла мать Маришки, наполняя подносы. Черничные пироги и калачи Хелен Маески были легендой, и надолго их не хватало.

Увидев Маришку, Хелен помахала, хотя и с принужденной улыбкой. Филипп был уверен, что Хелен подозревает, что что-то происходит между ним и Маришкой, и не одобряет этого. Конечно, это так и было. Она знала, что он обручен с Памелой, и боялась, что он разобьет сердце ее дочери.

Ему хотелось разубедить Хелен, дать ей знать, что он намерен провести остаток своих дней, делая Маришку счастливой. «Скоро, – подумал он. – Все скоро встанет на свои места».

В павильоне они с Маришкой разделились, хотя ему было трудно отвести от нее взгляд. Ее, похоже, окружало сияние, и даже несмотря на то, что он знал, что оно исходит от волшебных фонарей, подвешенных вдоль лестницы, он думал, что она похожа на сказочную принцессу из другого мира.

– Привет, Фил. – Эрл, его лучший друг и сосед по комнате в колледже, стукнул его по спине. – Ты пропустил собрание персонала на лодочной станции. – Это были кодовые слова. Энтони Джордж Эрл третий, бывший любитель травки, по вечерам потакал своей старой привычке. Покурить марихуану казалось почти что еще одним лагерным ритуалом.

– Я оставляю это на потом. Давай найдем чего-нибудь поесть.

– Хороший план. Я проголодался.

Они двинулись вдоль буфета, повышая голос, чтобы расслышать друг друга за громом музыки.

– Я возвращаюсь домой утренним поездом, – сказал Эрл, чавкая набитым ртом. – Парень, ненавижу уезжать из этого места.

– Я слышу тебя. – Филипп украдкой бросил взгляд на Маришку.

Она танцевала с Терри Дэвисом, местным мальчишкой, который занимался в лагере плотницкой работой. Как обычно, Дэвис был под мухой.

– Она – это что-то, э? – прокомментировал Эрл, накладывая себе на тарелку еще одну порцию картофельного салата.

– Что? Кто? – Филипп изображал тупицу. Он делал это все лето.

– Сладкая Маришка. Черт побери. Только посмотри на нее.

Филиппу понадобилось все самообладание, чтобы не захватить Эрлу по физиономии. Это тоже происходило все лето. Каждый парень в лагере западал на Маришку.

– Парень, – продолжал Эрл, – я бы убил за то, чтобы заполучить хоть кусочек ее.

– Да, я уверен, – отозвался Филипп, призывая на помощь все свое терпение.

Эрл невозмутимо пожал плечами. Он держал в одной руке тарелку, а другой схватил банку пива и нашел местечко за одним из столов, расставленных подальше от танцплощадки.

– Ты такое дерьмо, – сказал Фил, присоединяясь к нему.

– Нет, я просто сексуально озабоченный. Я думаю, это влияет на мое умственное здоровье. Я не знаю, как ты сумел провести лето, ни с кем не трахнувшись. – Эрл сгреб несколько

ложек картофельного салата. Как и Филипп, он был обручен, и его невеста была за морем. Лидия отправилась в Бифру, чтобы работать добровольцем Красного Креста. В отличие от Филиппа Эрл оставался ей верен, хотя и громко жаловался насчет своей благородной жертвенности.

– Итак, когда возвращается Лидия? – спросил Филипп.

– Еще две недели. Черт, я не могу дождаться. Как насчет мисс Америки? – Эрл называл Памелу мисс Америки, потому что она обладала всеми качествами королевы красоты. Она вела себя так, словно между нею и остальной частью мира всегда была невидимая, но непреодолимая дистанция.

– На следующей неделе.

– Ждать было трудно, э?

– Труднее, чем тебе кажется, – признал Филипп.

Эрл зарылся в ребрышки барбекю.

– Откуда ты знаешь, что нашел правильную девушку? Я хочу сказать, иногда я знаю, что Лидия превосходно мне подходит. Но бывают моменты, когда я вижу что-то вроде этого, – он жестом показал на Маришку, которая теперь кружилась в быстром танце с группой местных подружек, – и не могу себе представить, что проведу всю свою жизнь с одной девушкой.

«Я могу, – подумал Филипп. – Но это не Памела».

– Твои родители, похоже, знают секрет, – сказал Эрл, помахав им рукой.

Филипп смотрел на своих маму и папу, которые вместе ступили на танцплощадку. Они утверждали, что ничего не знают о рок-н-ролле, но забылись в объятиях друг друга, пока из колонок несея голос Эрика Клэптона.

– Понимаешь, что я имею в виду? – прокомментировал Эрл. – Интересно, откуда они знают?

– Никто точно не знает, – сказал Филипп. – Вот почему так много людей делают ошибки. Не потому, что они глупые, но потому, что они могут только надеяться, что сделали правильный выбор.

У его родителей был по-настоящему счастливый брак, но Филипп точно знал, что начало его было трудным. Семья Беллами была решительно против этого брака. Отец Филиппа, Чарльз, бросил вызов своей семье, чтобы быть с Джейн Гордон, чья семья основала лагерь «Киога». Чарльз бросил Йель, чтобы жениться на ней и взять на себя обязанности по руководству лагерем.

Постепенно Чарльз и его родители воссоединились. Может быть, из-за того, что четверо детей Джейн быстро добились успеха, а может быть, потому, что Беллами в конце концов поняли, что отрицать любовь Чарльза и Джейн было бы глупо.

Именно так все и будет у них с Маришкой.

Вначале они столкнутся с возражениями и сопротивлением. Затем весь мир осознает то, что он открыл для себя этим летом. Они с Маришкой навеки принадлежат друг другу.

– Потанцуй с нами, – попросили девочки Нелсен, подходя к его столу, когда сменилась музыка. – Парни, вы не можете сидеть, когда играют Богемскую рапсодию.

– Хорошо, бери меня под руку. – Эрл поднялся, вытирая рот салфеткой.

Салли и Кирстен Нелсен были однойцевыми близнецами. Ребята в «Киоге» прозвали их валькириями из-за их роста, симпатичных нордических черт и их пугающей привычки хватать ребят, которые им нравятся, и тащить их с собой. Филипп был рад поводу выйти на танцплощадку, где была Маришка.

Он заметил, что родители и Лайтси смотрят на него, и ощутил давящий груз ответственности. Они так много ожидали от него по окончании колледжа – он должен пойти в бизнес-школу или на юридический. Завести семью.

Теперь Маришка танцевала с Мэтью Алджером. Филипп ощутил легкое чувство собственника, когда увидел их вместе. Алджер был крупным парнем со своими выбеленными волосами, в полиэстеровой рубашке, открывающей грудь, с явным желанием быть похожим на своего идола Джона Траволту. Какой козел! И тем не менее, похоже, девушке он нравился. Филипп не мог понять почему.

Музыка перешла на медленный танец, и Филипп поймал Маришку за запястье, втираясь между ними.

– Моя очередь.

– Тебя здесь не ждали.

– Это решать леди.

– Вы, двое. – Маришка рассмеялась и повернулась к Алджеру. – Я еще не танцевала с Филиппом, а вы все завтра уезжаете.

– Только не я, – проинформировал ее Алджер, с важностью расправляя плечи. – Я собираюсь жить в Авалоне. Буду защищать диплом по городской администрации, и Авалон – город, который я выбрал.

Алджер был не из богатой семьи, но, очевидно, унаследовал мозги. Неожиданно Филипп ощутил огонь зависти. Алджер остается в Авалоне, тогда как Филипп отправится в кампус еще на один год.

Притворяясь расстроенным, Алджер отодвинулся:

– Надеюсь еще увидеться с тобой, Маришка.

Алджер был резким и амбициозным парнем. Фил, однако, считал, что он был слегка не в теме. Несмотря на то что он работал в лагере вожатым и библиотекарем все лето, он никогда так и не вписался в окружающую обстановку.

– Он извращенец, – сказал Филипп. – Держись от него подальше.

– Мне придется жить в этом городе, – напомнила ему Маришка. – Я не могу позволить себе иметь врагов.

– Не будь глупой. После того как я закончу колледж, мы будем жить где ты захочешь – в Нью-Йорке, в Чикаго, в Сан-Франциско.

– Ловлю тебя на слове, – просияла она, и восторг засверкал в ее глазах. Затем она взглянула в сторону: – Значит, это родители Памелы. Какие они жуткие.

Филипп нахмурился:

– На самом деле нет. Они просто...

– Такие же, как твоя семья. Они сделаны из денег.

– Они люди, такие же, как и все.

– Точно. Как любой из совладельцев «Голд энд Джем».

Ему не нравилось, когда она говорила так, словно ее рабочее происхождение разделяло их.

– Забудь об этом, – сказал он.

Диджей объявил, что все должны направиться на берег, чтобы посмотреть последний костер года, и все толпой повалили из павильона. Традиционный костер имел практическое назначение: они всегда избавлялись от соломенных тюфяков и прочего хлама, который набирался за лето.

Пока люди двигались к пирамиде огня, Филипп прижал руку к маленькой спине Маришки и повернул с тропинки.

– Что ты делаешь? – прошептала она.

– Как будто ты не знаешь.

– Кто-нибудь увидит. – Все лето она так же тревожилась о том, что их поймают, как и он, опасаясь заслужить репутацию девушки, похищающей чужих женихов.

Он взял ее за руку и потащил к ряду барачков.

– Нет, не увидит.

Однако кто-то их увидел. Когда они удалялись от озера, вспыхнула спичка, осветив задумчивое пьяное лицо Терри Дэвиса. Он вытянул руку со спичкой так, что слабый свет осветил Филиппа и Маришку.

– Спокойной ночи, детки, – произнес он с ироничной улыбкой.

– Черт, – обронил Филипп, переводя дыхание и пристально глядя на Дэвиса. – Она плохо себя почувствовала, я веду ее... к ее машине.

Глаза Дэвиса блеснули.

– О-хо-хо. – Он поднес спичку к кончику сигареты.

Филипп и Маришка продолжали идти.

– Не обращай на него внимания, – сказал Филипп. – В любом случае завтра он уже ничего не вспомнит.

Несмотря на убедительность его слов, он почувствовал в груди треньканье опасений. Все лето они с Маришкой были все более и более изобретательными, когда доходило до места, где они могли заняться любовью. Они занимались этим не только на лодочной станции, но иногда и в лодках. В грузовике, в котором Маришка развозила хлеб. На мосту над водопадом Мирскил.

Сегодня они решили рискнуть забраться в бунгало. Будучи старшим вожатым, Филипп имел отдельную квартиру, и здесь, освещенный светом ночника, он взял ее на руки, уложил и закопался лицом в ее кудрявые волосы.

– Не могу дождаться, когда мы навсегда будем вместе.

– Тебе придется подождать. Мне лучше не оставаться сегодня допоздна. Утром я записана к врачу.

Он откинулся, изучая ее лицо:

– Ты в порядке?

– Просто осмотр, – сказала она.

У него из груди вырвался вздох.

– Ох. Я буду так по тебе скучать.

Осторожными пальцами она расстегнула его рубашку.

– Как долго?

– Дольше, чем ты думаешь. – Он задержал дыхание, когда она распахнула его рубашку и прижалась губами к горлу.

– Ты, наверное, забудешь обо мне, как только вернешься в колледж со своей богатой невестой и друзьями из высшего общества.

– Не говори так. Ты знаешь, что это неправда.

– Все, что у меня есть, – это твое слово. – Несмотря на обвиняющий тон, в ее голосе прозвучала шутивная нотка. – Слово богатого мальчика. Интересно, что на моем месте стали бы делать богатые девочки?

– Они бы позволили богатым мальчикам заниматься с ними любовью, – сказал он, расстегивая ей «молнию» на платье плавным, натренированным движением. Он был возбужден, но заставил себя сбавить темп. Он вытащил запонку и сунул ее в карман.

– Они такие хорошенькие, – произнесла она, любуясь блеском серебра.

– Это моего дедушки. – Он вынул вторую запонку и положил ей в руку. – Знаешь что. Ты возьмешь одну, я возьму другую. И после того, как... я вернусь к тебе, я надену их снова на нашу свадьбу.

– Филипп.

– Говорю тебе это. Я хочу жениться на тебе. Я даю тебе этот маленький кусочек серебра. После того как я со всем разберусь, это будет бриллиантовое кольцо.

Ее глаза засверкали, и она опустила запонку к себе в сумочку.

- Ты обещал мне это, помни. На самом деле я уже выбрала себе обручальное кольцо.
- В магазине, где ты работаешь?
- Очень смешно. У Тиффани.
- Ха. Я не могу себе позволить Тиффани.
- Конечно можешь. Твои родители богаты.
- Но я – нет. В этой семье мы сами прокладываем себе дорогу.
- Ты шутишь, верно?

Он рассмеялся и стянул платье с ее плеч, глядя, как оно упало на пол. Затем он потянулся и расстегнул ее лифчик.

- Ты будешь женой бедного, но благородного общественного защитника.
 - Ну хорошо, теперь ты меня напугал.
- У него перехватило дух, когда лифчик упал, затем он снова обрел голос:
- Единственное, что меня пугает, это то, что завтра я уеду от тебя.

ПЕСЕННИК ЛАГЕРЯ «КИОГА»

Медведь пошел в горы,
Медведь пошел в горы,
Медведь пошел в горы,
И как вы думаете, что он там увидел?

5

– Почему я тащусь туда? – спросил Фредди Дельгадо. Он перебирал многочисленные саундтреки, пока Оливия вела их взятый напрокат SUV по узкой, покрытой заплатами дороге к городку Авалону.

– Поверь мне, – сказала она, – это не так ужасно, как мои воспоминания. Я провела здесь множество мучительных лет. – Она все еще не могла поверить, что она делает это. Простой акт вождения автомобиля был для нее незнакомым, поскольку она никогда не водила в городе. До последней минуты ее мать пыталась отговорить ее от проекта обновления «Киоги», но Оливия решилась. Ее отец поддержал ее. Когда она прощалась с ним накануне вечером, он обнял ее и пожелал ей удачи.

– Почему мучительных? – спросил Фредди. – Это выглядит как превосходное место на лето.

Она сбросила скорость, когда бурундук перебежал дорогу. Были вещи, которые она никогда не рассказывала Фредди – или кому бы то ни было – о своей жизни.

– Я была вроде как неудачницей.

– Ты? – Он фыркнул, не поверив, что заставило ее почувствовать себя польщенной. – Что такое, лагерь для придурков и помешанных?

Она жестом показала на фотоальбом, который лежал на сиденье между ними. Мысль о нем, взглядывающим в ее прошлое, приводила ее в замешательство, но она должна была довериться ему. Кто кроме Фредди бросил бы все и согласился провести лето в отдаленном лагере в Кэтскилзе, пытаясь вернуть ему очарование ушедшего времени? Конечно, будучи безработным и бездомным, он имел массу побудительных стимулов, но теперь было слишком поздно. Он уже листал старые фотографии.

– Найди группу, снятую в 1993 году. Палатка Саратога, Орлиное гнездо, – проинструктировала она его.

Он открыл и просмотрел коллекцию фотографий.

– Выглядит как программа размножения для арийской нации. Черт, неужели, чтобы попасть в этот лагерь, каждый должен был быть высоким, темпераментным блондином?

– Смотри внимательней. Задний ряд, в конце.

– Ох. – Тон голоса Фредди показал, что он нашел ее. – Проходила через фазу неуклюжести, не так ли?

– Я бы не назвала это фазой, я бы назвала это всем моим взрослением. И я не была неуклюжей. Эти очки вроде бутылок из-под кока-колы и скобки на зубах были чем-то вроде бонуса.

Фредди присвистнул.

– И посмотри на себя сейчас. Уродливый утенок превратился в лебедя.

– Уродливый утенок надел контактные линзы, выкрасился в блондинку и круглый год пропадал в бассейне в колледже. Уродливый утенок работал два года над идеальным весом. И тебе не нужно быть вежливым. Я была ужасна. Я была несчастным ребенком и тащу этот груз за собой. Когда я поняла, как быть счастливой, все пошло лучше.

– Дети не думают о том, как быть счастливыми. Они просто счастливы.

– В некоторых семьях это не так. И это все, что я собираюсь сказать о Беллами, так что не пытайся любопытствовать.

– Ха. Ты все лето в моем распоряжении. Я узнаю все твои секреты.

– У меня нет секретов.

– Ерунда. Я думаю, что у тебя есть секреты даже от себя самой.

– Это будет настоящий праздник – провести лето с доктором Фрейдом.

– Ну, я рад, что мы взялись за этот проект. И я рад, что Рэнд Уитни уже история.

– Спасибо, – сказала она, в ее голосе прозвучал сарказм. – Это означает, что многое пришло от тебя, Фредди. Ты хотел, чтобы я проиграла.

– Оливия, ты каждый раз заставляешь себя проигрывать. Когда-нибудь думала, почему?

– Ох...

– У тебя привычка выбирать не тех парней, – продолжал он. – Я думаю, это потому, что ты не знаешь, что делать, когда на самом деле найдешь правильного парня. Ты сказала, что ты научилась быть счастливой. Почему я этому не верю?

Ей не хотелось это обсуждать.

– Я думаю, Баркису нужно остановиться, чтобы пописать.

– Нет, ему ничего такого не нужно. Он уже писал в Кингстоне. Согласно карте, мы уже почти приехали. Я заткнусь, обещаю. – И Фредди сдержал слово, он замолчал и вернулся к изучению фотографий.

Оливия уже сделала это, разложив цветные и черно-белые фотографии по порядку, чтобы напомнить себе, как выглядело это место. К счастью, ее бабушка сохранила краткую историю лагеря с его скромного начала в 1930-х до его расцвета в 1950-х, период, который она хотела восстановить в честь золотой свадьбы. Она надеялась воссоздать простые радости летнего прошлого, сделать лагерь «Киога» таким местом, в которое люди приезжают или хотят приехать.

Фредди с треском захлопнул альбом:

– Когда я увидел тебя ребенком, я немножко больше понял тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты мастер в искусстве преображения вещей. Неудивительно, что ты хороша в том, что делаешь.

У нее действительно была масса практики. Еще когда она была ребенком, ее преследовали вещи с зарядом: ее комната в квартире ее матери на Пятой авеню, ее ящик в школе Далтона, даже ее домик в лагере «Киога» каждое лето. В лагере это было единственное, в чем она была хороша. Однажды она совершила рейд в кладовку над обеденным залом и нашла стопку старых скатертей. Ее подружки по палатке, вернувшись с восхождения в горы, обнаружили, что их кровати застелены вручную выполненными покрывалами, мягкими и поблекшими от времени. Окна были занавешены ситцевыми занавесками, подоконники заставлены свежесорванными полевыми цветами в банках из-под желе.

– Посмотрим, насколько это хорошо, – предостерегла она Фредди. – Мы никогда раньше не делали целый лагерь в пустыне.

– Твоя бабушка предоставила нам огромный бюджет и все лето, чтобы сделать эту работу. Это само по себе приключение.

– Надеюсь, что ты прав. И спасибо, что согласился поехать со мной. Ты послан мне Богом, Фредди.

– Поверь мне, дорогая, я нуждался в этой работе, – сказал он с подкупающей искренностью. – Однако для этого преобразования тебе потребуется больше народу. Кого ты намерена использовать для работ?

– Мои бабушка с дедушкой выдали бюджет для генерального подрядчика. Нам нужно найти кого-то как можно быстрее. Тебе придется также встретиться еще с несколькими Беллами. Приезжает моя ближайшая кузина, Дэйр. Как и мой дядя Грег и мои кузины Дэзи и Мае. Грег ландшафтный архитектор, и он будет отвечать за землю. У него тяжелое положение в браке, так что лето здесь может спасти их семью.

– Вот видишь, брак – плохая идея, – констатировал Фредди.

– Так что мне не стоит даже беспокоиться, это ты хочешь сказать?

Он проигнорировал вопрос и вернулся к коллекции фото.

– Старые фотографии выглядят так, будто здесь происходили воссоединения семей.

– Много лет назад лагерь был семейным. Иногда это была единственная возможность для родственников собраться вместе. Мамы и детишки оставались здесь на все лето, а отцы приезжали поездом каждую пятницу. Странно, да?

– Может быть. Однако я думаю, что семейные лагеря возвращаются. Я знаю семьи, перегруженные делами людей, которые ищут местечко на природе, чтобы побыть вместе.

Она взглянула на него:

– Тебя, похоже, всерьез захватила эта мысль.

– Детка, я ушел из своей семьи, а не воссоединился с ними.

– Эй, что с тобой? – сказала она. – Я не знала, что у тебя проблемы с семьей.

– У меня нет проблем. У меня нет семьи.

Она прикусила язык. Они были друзьями долгие годы, но он никогда не рассказывал ей о своей семье, кроме того, что они жили в Куинсе и не поддерживали отношений с тех пор, как он покинул дом.

– Ты терзал меня последние девяносто миль, так что теперь моя очередь.

– Поверь мне, это неинтересно, разве что ты фанатка Юджина О'Нила. А теперь заткнись. Мне нужно разобраться с дорогой.

Как раз перед тем, как они добрались до Авалона, перед ними опустился железнодорожный шлагбаум, и она остановила машину, пропуская местный поезд.

– Я обычно ездила этим поездом из города в Авалон.

Оливия все еще помнила восторг, охватывающий детей в пассажирском вагоне. Некоторые из более опытных скаутов пели традиционные песни или хвастались прошлыми победами в стрельбе из лука, плавании или в состязаниях по ходьбе. Там были волнующие гадания о том, кто к кому попадет в домик, потому что все знали, что друзья могут быть разлучены на целое лето. Когда ей было от восьми до одиннадцати, она не могла дожидаться, когда поедет в лагерь. У нее было три кузины в той же возрастной группе, и поездка на поезде, а потом переезд в фургоне через горы были волшебным путешествием в очарованный мир.

Все изменилось в тот год, когда расстались ее родители. Она вылезла из кокона детства, но не маленькой бабочкой, а угрюмым толстым подростком, который не доверяет всему миру.

Поезд прошел, последний вагон исчез из вида, и перед ними открылся вид на чудесный горный городок Авалон.

– Здорово, – заметил Фредди. – Это место настоящее?

Авалон был классической деревушкой Кэтскилза. Он выглядел точно так, как ожидают туристы, – вне мира, отделенный от самого времени железнодорожной веткой с одной стороны и мостом – с другой, с мощными булыжником улочками с тенистыми деревьями, городской площадью с залом суда в середине и как минимум тремя церковными крышами. Из года в год он почти не менялся. Она помнила магазин Кларкса и магазин скобяных товаров «Агвей Фид», ювелирный магазинчик «Палмквист» и булочную «Скай-Ривер», которой все еще владела семья Маески, согласно вывеске в окне. Там были сувенирные лавки с вещами ручной работы и настоящие бутики. Рестораны и кафе с полотняными навесами и разноцветными окнами окружали площадь. Магазины антиквариата представляли прядильные колеса и винтажные стеганые одеяла, и практически в каждом магазинчике был домашний кленовый сироп и яблочный сидр для туристов, которые приезжали сюда осенью полюбоваться чудесной природой.

На заднем сиденье проснулся Баркис и сунул нос в окно, когда они проезжали мимо места для пикников на Шулер-Ривер. Самой красивой улицей в городке была Кленовая

улица, застроенная деревянными готическими домами эдвардианской эпохи, некоторые были украшены табличками Национального исторического общества.

– Век невинности, – провозгласил Фредди.

Выкрашенные пастелью домики были превращены в гостиницы с завтраком, юридические офисы, галереи искусства и дневные спа. Последний дом на улице был украшен вывеской ручной работы: «Строительство Дэвиса».

– Оливия, смотри! – прокричал Фредди.

Она ударила по тормозам. На заднем сиденье Баркис встал на задние лапы.

– Это перекресток, – сказал Фредди. – Осторожней.

– Прости. Я пропустила знак. – Один только вид имени Дэвис заставил ее вздрогнуть. «Спокойно, – сказала она себе. – В мире миллион Дэвисов. Без сомнения, строительная фирма не принадлежит... Невозможно, – подумала она. – Это было бы полным безумием».

– Я запишу номер этой строительной фирмы, – сказал Фредди рассеянно.

– Зачем тебе это?

– Наверное, это единственная фирма в городе, а нам понадобится ее помощь.

– Мы найдем другую.

Он повернулся на сиденье, пока они проезжали мимо. На вывеске значится, что они обеспечены облигациями, застрахованы и бесплатно делают смету и счет.

– И ты в это веришь?

– А ты нет? – Он цокнул языком. – Такая циничная в таком нежном возрасте. – Он нацарапал номер строительной фирмы.

Не может быть, чтобы «Дэвис констракшнз» имело какое-то отношение к Коннору Дэвису, убеждала она себя. А даже если и так, что с того? Он, возможно, даже не помнит ее. И это должно было послужить ей утешением, если вспомнить, какой дурой она выставила себя по отношению к нему.

– Ну хорошо, скажи мне, что это не мост под крышей, – сказал Фредди, хватаясь за фотоаппарат.

– Это мост под крышей.

– Не могу поверить, – сказал он. – Это лучше, чем мосты графства Мадисон.

– Даже лоботомия лучше мостов графства Мадисон.

Он резко повернулся, глядя на табличку, которая гласила, что этот мост построен в 1891 году. У него даже есть имя – мост Скай-Ривер, и он был необычайно хорош, как на открытке. Оливия вспомнила, что лагерный фургон, который доставлял их от поезда в лагерь «Киога», всегда гудел, въезжая в темный тоннель со скрипучим покрытием, обрамленный ласточкиными гнездами. Это был последний рукотворный оплот перед въездом в лагерь.

За мостом дорога шла вдоль реки, проходила через цепь гор, на которых были выбиты названия и высота. Фредди, городской мальчишка, был вне себя.

– Это потрясающе, – восхищался он. – Не могу поверить, что твоя семья владеет такой красотой, и ты мне никогда не говорила об этом.

– Лагерь закрыт последние восемь, нет, девять лет. Компания по недвижимости присматривает за этим местом. Некоторые семьи приезжают сюда в отпуск и собираются здесь время от времени. – Оливию приглашали на семейные встречи, но она никогда не ездила. Для нее это было слишком – столько плохих воспоминаний! – Зимой, – добавила она, – мой дядя Клайд привез сюда семью кататься на лыжах и ради восхождений на снежные вершины.

– С ума сойти, – пробормотал Фредди. – Почти как в нормальной семье.

Она взглянула на него:

– Ну, если то, что ты увидишь сегодня, не заставит тебя мчаться обратно в Нью-Йорк, ты все лето будешь встречаться с кланом Беллами.

– Напугала. А я не забыл рассказать тебе о моих квартирных делах?

– О, Фредди.

– Ты правильно поняла. Безработный и бездомный. Я настоящая находка.

– Этим летом ты работаешь на меня и живешь в лагере «Киога».

Он ее лучший друг. Что еще она может сказать?

Оливия снизила скорость, увидев краем глаза белый взмах оленьего хвоста. Мгновением позже появились самка с детенышем, и Фредди был в таком восторге, что едва не разбил свою камеру.

Девять лет тому назад к лагерю вели указатели вдоль всей дороги, и каждый с восторгом поздравлял их с прибытием, пока они подъезжали все ближе и ближе к месту назначения.

– Это гора Лукаут, – говорил кто-нибудь, показывая в окно и подпрыгивая на сиденье фургона. – Я увидел ее первым.

Другие местечки тоже назывались неплохо – ручей Мосс, холм Уотч, гора Сентри, дуб Треати. Дерево такое старое, что поговаривали, будто шериф Десси Лайон посадил его в честь договора, который он подписал с Питером Стувесантом, губернатором колонии.

Это будет ее двадцатое лето в лагере. Оливия вела машину в молчании. Ее желудок опускался ниже, и страх стал почти физическим ощущением холода и мертвой тяжести внутри. И снаружи, думала она. Вес, который она набрала, тогда был результатом стресса от тихого развода ее родителей, требований школы, ее собственных невыраженных страхов.

Они проехали стеклянную художественную студию с причудливой вывеской у дороги, и затем потянулась прибрежная полоса, где луга были преувеличенно зелеными, а леса глубокими и таинственными. Высоко на солнечной полянке был припаркован маленький дорожный трейлер, а рядом черный хромированный «харлей».

– Интересное место, – прокомментировал Фредди.

– Тут полным-полно типов из контркультуры¹⁰. Леса не так далеко.

Они проехали ферму Уинди-Ридж, еще один причудливый знак, потом достигли последнего поворота дороги и повернули на гравийный подъезд, обозначенный как частное владение, куда вход запрещен. Дорога петляла через лес, который с каждой милей становился все гуще. И наконец, вот она, перед ними – арка ручной постройки, изгибающаяся над дорогой, – вход во владения. Построенная из массивных деревянных бревен, она была торговой маркой лагеря. Рустикальную арку украшали обычные письма, которые дети еженедельно отсылали домой. За аркой раскинулся лагерь «Киога». Основанный в 1932 году в стиле адирондак¹¹.

В автобусе дети задерживали дыхание, пока проезжали под аркой, а когда оказывались внутри, раздавался громкий коллективный крик, сопровождаемый аплодисментами восторга и означавший «Мы здесь».

– Ты в порядке? – спросил Фредди.

– Нормально, – с трудом выдавила Оливия. Она замедлила ход, и сухой, острый гравий захрустел под колесами. Пока они ехали дальше по древней дороге, затененной кленами и дубами, у нее появилось странное ощущение возвращения во времени, в место, которое никогда не было для нее безопасным.

Заброшенный подъезд зарос деревьями, ветви касались громыхающего SUV. Она припарковалась перед главным холлом и выпустила Баркиса. Пес понесся вокруг в экстазе открытия, намереваясь обнюхать каждую травинку.

Собственность в сотню акров было по большей части пустыней, с озером Уиллоу в центре. Там были рустикальные здания, луга и спортивные корты, маленькие домики и бунгало,

¹⁰ *Контркультура* – течение, отрицающее ценности традиционной культуры.

¹¹ *Адирондак* – стиль, обязанный своим названием горному массиву в Аппалачах. Возник как подражание стилю первых американских поселенцев, использовавших для строительства и убранства домов природные материалы – необработанное дерево, дикий камень. Этот стиль отличается простой и добротной красотой.

окружавшие безмятежное нетронутое озеро. Оливия показала на площадку для стрельбы из лука, теннисные корты, амфитеатр и горные тропы, которые теперь совершенно заросли. Она уже делала в уме заметки, оценивая, во что обойдется восстановление лагеря.

В главном павильоне располагалась столовая. Он был вытянут вдоль озера, где обычно проходили танцы и вечерние развлечения. Низкая часть здания заключала в себе кухню, кабинет регистрации и лагерный офис. Теперь все было в запустении – от заросшей сорняками дорожки до розовых кустов вокруг голых флагштоков. Удивительно, но розы выжили, разрослись в бурном цветении колючими ветвями.

Оглядывая главный павильон и домики, Фредди заметил:

– У меня не было представления, что места вроде этого все еще существуют. Это так похоже на «Грязные танцы».

– Теперь это город призраков, – сказала она, хотя ее воображение было населено детьми в форменных футболках с логотипом «Киога». – До начала шестидесятых тут каждый вечер устраивали танцы, иногда с живой музыкой.

– Прямо здесь, в середине ничего?

– Мои дедушка и бабушка утверждают, что музыканты были не такими плохими. Всегда можно было найти талант, потому что музыканты и актеры из Нью-Йорка искали, где бы провести лето. После того как лагерь перешел только к детям, там проводились уроки пения и танцев.

Она содрогнулась при воспоминании. Она всегда приходила последней и обычно танцевала с другой девочкой, со своей кузиной, или с мальчиком, а его лицо при этом выражало отвращение от того, что он танцевал с Лолли, бочкой жира, под этим прозвищем она была известна в те дни.

– Давай откроем главный павильон, и я покажу тебе столовую, – предложила она.

Ключом, который дала ей бабушка, она отперла здание, и они распахнули тяжелые двойные двери. В фойе стеклянные витрины были занавешены, за стеклами обитали охотничьи трофеи со стеклянными глазами: лось, медведь, олень, ягуар.

– Это мне не нравится, – скривился Фредди.

Баркис появился только для того, чтобы согласиться с ним. Он стоял рядом, бросая подозрительные взгляды на животных, и скалил зубы.

– Обычно мы давали им имена, – улыбнулась Оливия. – Таскали друг у друга белье и вывешивали его на оленьих рогах.

– Это еще хуже.

Она повела его в столовую. Над их головой вздымались высокие, словно в соборе, деревянные потолки. Там были огромные каминные из речного камня в обоих концах зала, длинные деревянные столы и скамейки, стеклянные двери вели на веранду и еще одну крытую галерею вокруг чердака. Легкий запах сожженного дерева все еще витал в воздухе.

– Это развалины, – сказала она.

Фредди, похоже, погрузился в молчание перед величием их проекта. Его глаза расширились, пока он медленно поворачивался, охватывая взглядом все.

– Послушай, если ты думаешь, что нам не стоит браться за это, скажи мне об этом сейчас. Мы, может быть, сможем вернуть контракт...

– Замолчи, – оборвал он ее, направляясь к французским дверям, выходящим на озеро. – Я никуда отсюда не поеду.

Оливия ничего не могла с собой поделать – она улыбнулась этой очарованной душе. Это ослабило боль ее собственных воспоминаний.

Словно в трансе, он подошел к стеклянным дверям, выходящим на озеро, открыл замок и шагнул наружу на обширную веранду.

– Мой бог, – выдохнул он. – Мой бог, Ливви.

Вместе они долго стояли, глядя на озеро. Окруженное изящно склоненными ивами, оно напоминало золотое зеркало, окружающее цепь заросших лесом гор. Это действительно было прекрасно. Магически прекрасно. Тогда она этого не замечала. Когда твоя жизнь совершенно вышла из колеи, разве тебе есть дело до природы?

– Вон там, в середине, – показала она на озеро. – Это называется остров Спрюз. – Остров был достаточно большим для того, чтобы на нем разместились вышка, док и место для пикника, и все еще выглядел как нечто магическое, сияющий изумруд посередине золотого моря. – Мои бабушка с дедушкой поженились здесь пятьдесят лет тому назад. Вот почему они хотят обновить лагерь к августу, чтобы все было как надо.

– Так вот что у тебя на уме?

– Эй, это не довоенный двухтысячегунтовый домик, который просто нуждается в кое-какой покраске. Это сотни акров пустыни с набором старых зданий, некоторые датируются 1930-ми годами.

– Мне нет дела. Мы сможем это сделать. Мы должны.

Она обняла его.

– И тут, я думаю, я должна пожать тебе руку.

Он обнимал ее немного дольше и немного крепче, чем требовал случай. Она первой отодвинулась и улыбнулась ему, притворяясь, что в его глазах видит только дружбу. В первый раз она начала понимать, что чувствовал Рэнд Уитни, глядя в эти молящие глаза и будучи не в состоянии ответить на них тем же чувством.

– Спасибо за то, что приехал, партнер, – сказала она, подходя к перилам веранды и ощущая легкое дуновение ветра на воде. Синие-зеленый запах озера и лесов вызывал в памяти поток воспоминаний, и, к удивлению, не все из них были плохими.

– Я даже и не думал оказаться в таком уединенном местечке, – сказал Фредди. – И похоже на то, что мы единственные люди на земле. Первый мужчина и первая женщина, Адам и Ева.

– Только не относись ко мне как к потустороннему явлению, – сказала она.

– Ты имеешь в виду шутки Иоанна с топором? – Он одарил ее широкой улыбкой.

– Думаю, я могу обойтись и без этого, спасибо большое.

– Отлично. Но если бы я хотел написать книгу, это было бы превосходное место.

Она направила внутрь.

– Давай решим, где мы проведем эту ночь.

Ту первую ночь Оливия и Фредди закончили тем, что разделили на двоих одну хижину. Никому из них не понравилась мысль о том, чтобы ночевать в пещеристом бараке, в одиночестве и в пустоте, пугаясь каждого шороха, и вдыхать непреступную темноту, которая покрывала это место после заката. Когда приедут остальные, они переедут в частные коттеджи, но пока что никто из них не хотел оставаться один.

Все арки были названы в честь исторических крепостей и полей боя – Тикондерога, Саратога, Ставикс, Ниагара, – и Оливия выбрала Тикондерогу за близость к столовой и за большую общую душевую.

Они разобрали свой багаж и пожитки, отнесли банку консервированного супа и крекеры в затянутую паутиной, но все еще функционирующую кухню и с помощью кондиционера надули свои матрацы. Затем Оливия и Фредди устроили себе постели в арке Тикондерога и организовали генеральную уборку.

Вечер медленно наползал на них, небо стало из переливчато-розового глубоким фиолетовым, и затем наступила такая полная темнота, словно они оказались в пещере. Когда опустилась ночь, Баркис совершенно перепугался. Он вздрагивал от каждого таинственного шороха листьев или крика одинокой птицы.

После душераздирающей борьбы с двумя пауками в большой общей душевой, пристроенной к бараку, Оливия была готова лечь в постель и возвратилась в хижину в сиреневых пижамных брюках и таком же топе. Ночной ветер через окно овеивал ее.

Фредди устался на ее сиськи.

– Люблю мать-природу, – сказал он.

В ответ она нырнула в свитер и завернулась в него.

– Да ладно, я не обижен, – пожаловался он. – Обычно в это время я смотрю «Собаку охотника».

– Я говорила тебе, что здесь нет телевизора. Ни телефона, ни Интернета, ни сигнала для мобильного.

– Что, черт побери, мы собираемся здесь делать? – в отчаянии спросил Фредди.

– Говорить. Играть в настольные игры. Читать книги. Спать.

– Убей меня прямо сейчас.

Они уселись каждый на своей койке и посмотрели друг на друга. Затем она потянулась и выключила верхний свет.

– Так странно не слышать город, – заметила она, залезая под хрустящие простыни и толстое шерстяное одеяло. – Я так привыкла к гудкам и сиренам.

Баркису, похоже, тоже не хватало городского шума. Он был напуган дыханием ветра в ветвях дубов. Он залез под койку Оливии и свернулся калачиком.

Она смотрела в темноту и желала себе уснуть. Вместо этого она почувствовала себя беспокойной и смущенной. Минуты, казалось, ползли одна за другой, и вместо того, чтобы стать сонной, она чувствовала себя бодрее, чем всегда. В ее сознании мчались планы и проекты.

– Фредди, – прошептала она.

Нет ответа.

– Фредди. Ты не спишь?

– Уже сплю, – произнес голос, лишенный тела. – Где ты, черт побери? Здесь слишком темно.

– Надо взять фонарики, – сказала Оливия.

– Завтра, – согласился он.

Баркис заскулил, и она распознала просьбу в его голосе.

– Его надо еще раз вывести. – Оливия нашла шлепанцы и фонарик. – Пойдем со мной.

– Я только-только согрелся.

– Цыпленок.

Он страдальчески вздохнул, и она направила на него луч света. Он выглядел неожиданно привлекательным в боксерах, белой футболке, с растрепанными волосами. Он натянул на себя пару свитеров, все время чертыхаясь.

В пустынной местности, тонущей в темноте, Баркис оставался в луче фонарика, обходя кругом заросшее поле, окружающее бунгало.

– Ты здесь совсем другая, – заметил Фредди. – Похоже, что здесь ты больше дома, чем в городе.

– О, это точно, – сказала она.

– Так оно и есть. Попомни мои слова. – Он неожиданно крепко схватил ее за руку. –

Выключи свет на секунду, – сказал он.

– Что?

– Шучу-шучу, просто выключи фонарик.

Она пожала плечами и щелкнула кнопкой.

– Что такое...

– Ш-ш-ш. Посмотри на небо, Ливви.

Когда она подняла голову, звездное одеяло, казалось, накрыло их, Млечный Путь был ярким и тем не менее наполнен тайной. Она слышала дыхание Фредди, было тихо.

– Нравится? – спросила она.

– Никогда раньше не видел такого неба. Откуда, черт возьми, взялись все эти звезды?

– Они всегда были здесь. Тебе только нужно было найти место достаточно темное, чтобы их увидеть.

– Думаю, что мы его нашли. – Он сжал ее руку.

– У моих бабушки с дедушкой есть телескоп. Он, скорее всего, где-нибудь здесь. Мы можем поискать, если он еще работает, рассмотрим небо поближе.

– Я чувствую себя достаточно близко, чтобы коснуться их. – Без предупреждения он обхватил ее руками и прижал к себе.

Оливия была так удивлена, что захихикала.

– Фредди...

– Ш-ш-ш. – Он поцеловал ее очень нежно и осторожно, его губы нашли ее губы в темноте.

Поцелуй был таким неожиданным, что она неуверенно поборолась, упершись руками в его грудь.

– Вау, – сказала она. – В чем дело?

– Теперь ты наконец избавилась от как-его-там-звучит, и пришло время решить что-нибудь с нами.

Она оттолкнула его, удивление уступило легкой панике.

– Фредди, ты лучший друг из всех, какие когда-либо у меня были. Не надо все портить, превращая это в романтическую историю.

– Почему бы и не...

– Мне надоели романтические отношения. У меня ужасное прошлое в этом смысле. Ты сам так говорил. Я настроена на поражение.

– Ты будешь восхитительна, если только выберешь правильного парня. – Он поцеловал ее снова. Его рот был теплым и сладким, и доброта этого жеста заставила ее почувствовать, что она сейчас разрыдается. – О господи Иисусе, – растерянно произнес он, отодвигаясь. – Теперь ты плачешь.

– Прости, – смутилась она. – Я не имела в виду... Боже, Фредди, я такая глупая. – Она не плакала из-за Рэнда Уитни, но вот это случилось, слезы наполняли ее глаза просто потому, что Фредди поцеловал ее.

– Я знаю. И я тоже. Может быть, этим летом мы еще над чем-нибудь поработаем, кроме восстановления этого лагеря. – И с этими словами он освободил ее.

Она почувствовала себя брошенной, но при этом испытала облегчение. Фредди был замечательный, она обожала его, но романтические отношения? Она вытерла глаза рукавом. Невозможно. Отодвинувшись от него, она стала изучать отражение звезд в озере.

– И теперь между нами будет сплошная неловкость, потому что мы попытались поцеловаться и ничего из этого не вышло?

– Кто сказал, что не вышло?

– Фредди, я...

– Заткнись, Ливви. – Он нежно погладил ее по спине. – Я умываю руки. Это не из-за тебя. – Он откашлялся. – Но ты понимаешь, я должен был попытаться.

Она подумала, что, если направит на него луч фонарика, увидит его лицо. Но она не была уверена, что хочет этого, и отвела луч в сторону.

Когда взошло солнце, ни Оливия, ни Фредди не вспоминали предыдущую ночь. К счастью, им нашлось чем заняться. Она натянула обрезанные джинсовые шорты, толстовку и собрала волосы в небрежный узел. Предстоял рабочий день.

За кружками с кофе они провели обычное обсуждение, которое могло бы быть у них в городе, когда они начинали проект. Оливия составляла список, а Фредди делал наброски на больших листах оберточной бумаги.

Они работали за длинным столом из струганой сосны в столовой, с видом на озеро.

– Это будет потрясающе, – сказала она, вставая и наслаждаясь видом. – Все, что нам нужно сейчас, – это правильный строитель, чтобы сделать работу.

Фредди вырвал из записной книжки лист бумаги.

– Вот номер, который я записал, когда мы вчера проезжали через город. «Дэвис констракшнз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.